

АРХИВ 21 ноября 2012

Как захватить Москву Инструкция по применению

По просьбе «Афиши» гендиректор канала «Дождь» Наталья Синдеева, актриса Светлана Устинова, журналист Генрих Боровик, художник Арсений Жилияев, бизнесмен Вадим Дымов и другие рассказали о том, как оказались в Москве и как смогли в ней выжить и преуспеть.

f 473 t 0 v 11

Наталья Синдеева, гендиректор телеканала «Дождь»

когда приехала: 1992 год

откуда приехала: Мичуринск

чего добилась: основала «Серебряный дождь», потом «Дождь»

Всегда любила родной город, но каждый раз, приезжая в Москву к родственникам, понимала, что рано или поздно здесь окажусь. Сначала собиралась учиться в Питере. Год готовилась к поступлению на факультет психологии. Но когда заканчивала школу, вдруг поняла, что не могу уехать из Мичуринска. Меня воспитывали бабушка с дедушкой, мы жили втроем, и пришло осознание, что если я уеду — хотя они и не были против, — для них жизнь остановится. И я осталась. В городе было всего два института — Педагогический и Плодоовощной, я поступила в первый на факультет начальных классов, была лучшей студенткой и при этом, мне кажется, не училась вообще. Умудрялась путешествовать, занималась культмассовым сектором, все было очень легко. К моменту окончания вуза с нами уже жили папа и тетя, мои сестры-братья, мы построили дом — и я поняла, что теперь с чистой совестью могу отправляться в Москву.

Ехала в никуда. Хорошо, что в столице у меня были друзья, которые предложили пожить у них первые три месяца. Нужно было искать работу, но у меня это получилось не сразу: Москва, центр культуры, с утра музей, вечером театр, нужно было напиться всем, чего я была лишена в Мичуринске. Это была культурная инъекция.

Потом появилась работа — менеджер в компании, занимающейся продажей итальянской одежды. Я стала получать очень большую зарплату — 250 долларов плюс процент от продаж. Но это было очень скучно, я приходила на работу и думала: «Господи, неужели я приехала в Москву, чтобы продавать итальянские курточки и шубки?» Но получилось, кстати, неплохо.

А дальше произошло то, что предопределило всю мою дальнейшую карьеру.

Я ходила в бассейн «Чайка», где замечательные бабушки в шапочках плавали под открытым небом, зимой... Там я познакомилась с земляком, который предложил мне организовать шоу на воде. И я загорелась: программа, артисты — я все придумаю, все найду! Зарплату он мне платить не мог, но обещал, что после первых показов со мной рассчитается. У меня было какое-то количество скопленных денег, поэтому я согласилась. На работе я проводила все время — с 8 утра до 11 вечера, там меня

Я начала работать над шоу. Ничего не понимала, но знала, что все смогу. Мои горящие глаза зажигали людей, отказать было совершенно невозможно. Нашла компании, которые поставили свет, звук, нашла чемпионку России по синхронному плаванию, чемпионов мира по прыжкам в воду с Украины. Пригласила из цирка на Цветном воздушных гимнастов, которые уже покорили подмостки Лас-Вегаса. Это было очень зрелищно: летали журавли, горящие каскадеры прыгали в воду, танцевали в воде синхронистки... Шоу прогремело. Это было первое большое шоу на открытом воздухе в Москве. Очень технологичное на тот момент. Предполагалось, что оно будет ежедневным, но никто не подумал про погоду — бассейн-то открытый! Начались дожди, мы повторили показ через две недели — и шоу закрыли. И нам ничего не заплатили. Я не знала, как смотреть в глаза людям, которые все это время жили на моем честном слове. Ужасно было то, что старались зря. Но было много полезного: появился опыт, понимание, что если очень хочешь, то все получится, контакты — подрядчики, которые делали свет, звук, до сих пор мои партнеры. Наверное, месяц я была в ужасной депрессии. Деньги к тому моменту уже закончились. Открываешь кошелек, а там пусто, но по молодости это не очень пугало.

Однажды позвонил приятель: «Хочешь заработать? Нужно три дня на продуктовой выставке раздавать конфеты. Тридцать долларов в день!» Я согласилась, пришла, стояла на стенде, улыбалась гостям, раздавала конфетки. Вдруг идет Стас Сададьский и начинает мне говорить какие-то скабрзные комплименты. Я обижаюсь, а симпатичный молодой человек, идущий рядом с ним, сказал: «Не обижайтесь, это же актер. Стас, нехорошо». Написал мне на бумажке «Павел Ващекин» и телефон. Я начинаю узнавать, кто это. Оказалось, что он известный продюсер тогда еще зарождающегося шоу-бизнеса. Я поняла: вот он — мой шанс! Звоню. «Приезжайте, я за вами машину пришлю». Приезжаю на «Мосфильм» — в первый раз, офис невероятной красоты. Паша говорит: «Будем делать из вас фотомодель». Я отвечаю: «Мне нужна работа на каждый день — я все могу». Он: «А, тогда садись здесь, работай. Зарплата 300 долларов». Что делать, не объяснил.

Дальше был год феерии. Ващекин фонтанировал идеями, быстро загорался, но быстро угасал. Например, говорил: «Так, скоро открытие клуба «Манхэттен», вот контакты, делаем шоу. Звони в Red Star. Устраиваем показ. Свиридова поет. Звони Кушанашвили, чтобы он об этом написал» — и пропадал. Хорошо, были всегда люди, которые знали, где брать деньги. Я готовила мероприятие, за сутки он появлялся и спрашивал: «Ну как дела? Скучаешь?» «У нас завтра презентация в «Манхэттене», поет Свиридова, показ Red Star». — «Да нет, ты чего, мы не будем это делать, зачем?» — «Не-не, мы уже все сделали».

Было невероятное ощущение времени. Казалось, все возможно, все тебе принадлежит. Я была в водовороте московской жизни, при этом не тусовалась — только по работе. Потом мы сделали совершенно авантюрный проект на Тенерифе, и я приняла решение, что уйду от Паши. Он зарплату всегда платил, но с задержками — это состояние нестабильности очень демотивировало. Да и мне казалось, что я всему научилась. К тому моменту я познакомилась с Алексеем Шахматовым, известным телеведущим, и Ярославом Чеважевским, режиссером. У них была продюсерская компания по производству программ для различных телеканалов. Я пришла к ним и сказала: «Все умею, а вот телевидением еще не занималась. Можно у вас поработать?» Мне предложили для начала должность секретаря. Секретарские функции я раньше не выполняла, да у меня и компьютера не было. Через пару недель ребята поняли, что им дешевле работать самим, чем иметь такого секретаря, и мне предложили другое занятие. В то время открывалось очень много клубов и в каждом постоянно происходили какие-то концерты, вечеринки — и пришла идея сделать на телеканале «2x2» афишу этих событий. Надо было только найти деньги: примерно с шести клубов взять по шесть тысяч долларов за анонсы.

Ребята сказали: «Если получится, будем платить тебе зарплату в 1000 долларов». К тому моменту я уже успела купить и разбить машину, должна была денег за ремонт, в общем, решила попробовать. Пилота программы не было, контракта с «2x2» тоже, но через месяц я пришла к Шахматову и выгрузила на стол 42

тысячи долларов. Заявку никто не писал, программу на канале не ждали, но Шахматов молодец. Через несколько дней я стала продюсером и шеф-редактором программы «1000 и одна ночь». Делала программу год, потом она перешла в империю BIZ TV.

А дальше Дима Савицкий, который все это время был рядом, рассказал мне о своей мечте — сделать радио. У меня уже был большой опыт в организации эвентов, концертов, и в 1995 году мы шумно и празднично открыли «Серебряный дождь». С нуля. И уже было не страшно. Знала, что все получится. Потом у меня появилась мечта — построить телеканал, непохожий на другие. И вот уже три года я делаю «Дождь». И тоже не страшно. Когда очень хочешь и веришь, то все получается.

Интервью: Мария Кувшинова

Юрий Лоза, музыкант

когда приехал: 1983 год

откуда приехал: Саратов

чего добился: написал песню «Плот»

Для меня Москва — это просто город, в котором я живу. Живу по необходимости. У меня нет родины: родился я Свердловске, юность провел в Алма-Ате, потом работал в Саратове, в Тюмени, в Усть-Каменогорске, в Рязани. Я давным-давно человек без определенного места, мне везде хорошо: где я — там и родина. Сейчас, если я не могу выбраться в другую страну, я вообще стараюсь из квартиры не выходить, только если очень нужно. Никогда не хотелось гулять по Москве — зачем? Здесь же нет даже прогулочных зон, как в Варне, где у меня квартира есть. Ну увидел я, как приехал, Арбат — и что? Город сам по себе кривой, косою и весь разбросанный. Никаких иллюзий, приезжая в Москву, я не питал, просто ехал жить и работать. Да, неприятно — но куда перебираться? Питер еще бестолковее. Дурак Петр построил идиотский город, что сделаешь.

Я собирался переехать еще в 1982-м, но меня удержал Бари Алибасов, у которого я тогда играл в «Интеграле», квартиру обещал. Так в итоге и не дал — и тогда я плюнул и поехал жить в Москву. Отыграли программу — и прямо из Саратова 1 января 1983-го я поехал на Новый год к приятелю. И с того момента уже надолго из города не уезжал. Я же вообще долгие годы искал будущее место жизни. Мне некуда было ехать: у родителей в Крыму делать было нечего, устраиваться куда-то на постоянное место работы я тоже не планировал... Поэтому я просто выбирал город, в который я перееду и буду за него цепляться, — и, разумеется, Москва в этом смысле была интереснее других как более денежный и живой город. Сюда же все потоки стекаются.

Первым делом в Москве я, конечно, стал ходить на все мероприятия. Посещал все, что было. Билеты достать было тогда непросто, но что-то на связях делалось, что-то на улыбке, иногда с заднего входа прорывался — язык-то у меня подвешен, да и я был молод. В принципе, я в те времена знал всех, бывал дома у Макаревича. Еще были приятели по фарцовке — этим заниматься я начал задолго до переезда в Москву. Правда, здесь фарцевать стало проще. Я же тогда мотался по стране, возил с собой примочки, гитары и продавал инструменты — уезжал с новой гитарой и возвращался без нее. Один раз даже так получилось, что клиент спешил, никак не мог дождаться, чтобы я концерт сыграл, выкупил у меня гитару, а мне пришлось новую спешно в кабаке искать. Но не продать было нельзя: деньги были хорошие.

Москва у меня всегда ассоциировалась с гонкой, с вечной беготней. Так и пробегал, не оглядываясь. Какие уж тут истории? Мы даже на роспись в загс пошли с женой в перерыве между двумя концертами. Плюс

фарцовка та же — если государство не могло привезти населению то, что ему нужно, находились люди, которые этим занимались. Фарцовка на московских связях приносила хороший доход. В начале 1990-х я как-то заработал 25 тысяч бундесмарок, шел по Берлину и думал: «Елки-палки, я самый богатый человек в Западном Берлине, больше, чем у меня, тут ни у кого в кармане нет, только на чековой книжке». Но я прагматик, я даже этот бизнес выстраивал максимально четко. Например, такая наработка была: мне прислал человек денег из Махачкалы, чтобы купить пару динамиков. Я ему их отправил с проводником на поезде, звоню и говорю: «Встречай, но там сзади, обрати внимание, наклейка, а под ней — 50 рублей». Он спрашивает: «Откуда?!» Я объясняю, что сбил цену, а так как я все равно свой гонорар получил, то пусть они останутся ему. И он понимает, что нашел кристально честного продавца, и все каналы переводит на меня. Так я себе и создал клиентуру.

Когда я встретился со своей будущей женой, у нас обоих не было прописки. Чтобы стать легальными москвичами, мы начали строить кооперативный дом. Там большая была эпопея: с фиктивными браками, с выселениями, переселениями, обменными процессами... Целое дело, в общем. Но ничего — справились. Я же вообще ко всему в этой жизни отношусь прагматично. Я, пожалуй, один из самых ярких прагматиков на эстраде. Мне надо — я делаю. Меня еще в детстве так научили — Москва к этому ничего не добавила. Я думаю, что я точно так же бы внедрялся в Нью-Йорк или Чебоксары. Я сам по себе, так жизнь сложилась, что я волк-одиночка. Из эстрадных, например, ни с кем я ни в Москве, нигде не сошелся. Ну были приятели, например, на дни рождения Валера Сюткин приходил — я-то сам компанийский человек, люблю коллективный отдых. Но из любой компании все равно надо ехать домой и замыкаться в собственном кругу.

Ощущение, что я добился здесь успеха, пришло, как только песня «Плот» добралась до «Песни года». Она медленно ползла вверх: сначала в 1988 году вышла на «Мелодии» двухмиллионным тиражом и только в 1990-м попала в «Песню года». С этого момента стало можно говорить, кто я есть. Это такой официальный штамп, которым тебя отмечали, — звезда. Тогда и гастрольный график у меня появился, транспортный кооператив, который возил мой стадионный комплект аппаратуры, и не только мой. Все как у нормального большого артиста. И в Москве шли концерты, и за ее пределами. Никакой знаковой площадки у меня не было, потому что ни к каким кланам я не принадлежал. Да, рокеры кучковались вокруг Горбушки, но я-то их всегда считал детским садом. А я был сам по себе.

Тогда это был город, в котором еще можно было жить. Сейчас уже нельзя. Это раковая опухоль, которая отравляет всю страну. Я его ненавижу. Я считаю каждый день, прожитый в нем, потерянным. Город бездельников — 15 миллионов балбесов, все непонятно чем занимаются, только едут куда-то. Все, что было тогда, исчезло. Закрылись заводы, изменилось выражение лиц, по дорогам так никогда не ездили. Да, Москва долго аккумулировала в себе все российские понты — вот и превратилась в то, что есть. Я в ней живу, потому что мне деваться некуда: у меня работа такая, чтобы оказываться в нужном месте.

После переезда в Москву я стал меньше любить людей. Как биологический вид. И меньше любить россиян как представителей этого вида. Я, когда выезжаю за границу, стараюсь найти место, где нет наших, потому что они мне уже здесь надоели. И нравы московские не вызывают никаких теплых чувств — такой город, так уж он устроен. Москва — это системная пробка. А уж если где-то пробка, то в ней всегда будут стоять раздраженные люди, которые будут ненавидеть стоящих рядом. Вот так и здесь. Как формируется сознание народа? Говорят: мол, немцы такие чистюли. Так в 1939 году Гитлер разрешил полицейским стрелять в грязные окна. Стремление к порядку в немцах заложено не генами — их этому учили долго и упорно. Я думаю, что также можно научить злобе и непримиримости любого человека в мире — просто выгоняя его на московские улицы.

Я прожил длинную эстрадную жизнь. Но я давно в таком положении, что мне все равно уже, что обо мне думают. Я одиночка. Я выслужил себе право не целоваться ни с кем. Я спокойно могу не подать руки человеку, потому что считаю это правильным, — и все это знают. Если я был бы внутри всех этих тусовок, то я бы ничего не смог написать. И я уеду из этого города при первой возможности. Как только пропадет здесь заработок, я свильну — и больше ни ногой.

Андрей Григорьев-Аполлонов, музыкант

откуда приехал: Сочи

когда приехал: 1994 год

чего добился: в составе «Иванушек International» спел «Тучи», «Куклу» и все остальное

Для меня все началось с сочинского Театра мод. Это сейчас может звучать как ирония, но на самом деле именно наш театр был единственной театральной труппой в городе, состоящей из молодых людей. Наши показы были не дефиле, а реальными театрализованными номерами, танцами, актерскими мизансценами, мы работали над актерским мастерством. Я пришел туда в 17 лет как артист-демонстратор и сразу стал помощником режиссера. Потому что очень любил фантазировать, придумывать номера.

Проработав в этом театре год, я поступил в ГИТИС на заочное отделение к Андрею Николаеву (всемирно известный клоун Андрюша). Он как раз только что выпустил курс, где училась Алла Пугачева, соответственно, все 5 лет я слушал, какая Алла Борисовна хорошая была студентка: не пропускала занятий, приезжала на все экзамены... Грузил студентов, короче. Я его встретил лет через пять после окончания института и спросил: «Про меня тоже рассказываете теперь?» А он такой: «Конечно, теперь рассказываю про Пугачеву и тебя — как я тебя отчислял за твои опоздания и раздолбайство». А я частенько опаздывал на сессии, потому что был зависим от работы в Театре мод, у нас все время были спектакли. В Москву я тогда приезжал на месяц — на сессию, останавливался где ни попадя.

Если бы не съемки классического клипа «Любэ» «Не валяй дурака, Америка!», Андрей Григорьев-Аполлонов, возможно, так и остался бы в Сочи

Когда в 1989 году случился первый «Кинотавр» в Сочи, наш театр стал его официальным лицом. Во время открытия «Кинотавра» первым на сцену выходил я — в форме капитана, отдавал честь, после этого выходил Марк Рудинштейн, я надевал на него фуражку президента «Кинотавра», и фестиваль объявлялся открытым. И во время первого «Кинотавра» вся эта шатия-братия актерская пришла к нам на спектакль — делать-то больше в городе нечего. Марк Рудинштейн, Леонид Ярмольник, Оксана Фандера, Константин Эрнст, который тогда еще «Матадор» вел, Алика Смехова — ну все! И тут я сразу дал шуба-дубу: познакомился сразу со всеми, задружился и до сих пор в очень хороших отношениях со всеми, кто тогда приехал. Вот так, живя в Сочи, я оказался в московской кинобогеме.

Вообще, я всегда был крутым в городе Сочи. У меня же еще родители уважаемые люди: отец был главным

врачом Центральной поликлиники города Сочи, а мама — директором Кинотеатра повторного фильма в центре города. Так что я ни одного фильма не пропускал, а дома у нас все время тусовались московские актеры, которые в Сочи приезжали, закладывали за воротник и не могли потом выступить — ехали к папе в поликлинику.

Параллельно с Театром мод и «Кинотавром» я познакомился с Игорем Матвиенко — когда в 1988 году в Сочи приехала группа «Любэ» снимать клип на песню «Не валяй дурака, Америка». Я там снялся почти в главной роли. После съемок ко мне подошел Игорь и предложил попробовать петь — ну я попел ему что-то, потом мы пошли тусоваться и крепко задружились. Потом я приезжаю на сессию в Москву и только в последний день перед отъездом решаюсь Матвиенко позвонить. Он говорит: «Ты что, с ума сошел, в последний день звонишь! Поехали тусоваться!» И вот я в 18 лет впервые оказываюсь сразу в «Метрополе», в ресторане с омарами и так далее — ну круто, конечно, было. То есть я такое и в Сочи видел, но все равно — уровень другой.

Но дальше все по-прежнему: учился, выступал в Театре мод, приезжал на сессии. И вот как-то включаю я в Сочи телевизор, а там передают: «Завтра в Театре Станиславского в Москве набор в бродвейскую труппу, в мюзикл «Метро», ждем всех желающих там оказаться». Я, значит, валяю в Москву и прохожу этот конкурс. Без хореографического образования, совершенно неожиданно для себя! Там же 2000 человек было! Как кордебалет отбирают: заходят 20 человек танцоров, встали, оттанцевали — спасибо, до свидания. Я зашел — там все стоят на пуантах, в лосинах, а я в джинсах, в говнодавах пришел, блин. Подумал — ну все, надо валить отсюда. А меня приняли. Непосредственно в бродвейскую труппу из всех 2000 человек со всей России прошли только я и Игорь Сорин. Мы несколько месяцев выступали на Бродвее с мюзиклом «Метро», а потом два года в Варшаве отработали. И я был единственным человеком из всей труппы, которого наш режиссер Януш Юзефович отпускал на сессии в Москву — уважал ГИТИС.

И после двух лет в мюзикле я понял, что могу играть тут еще десять лет, двадцать — и ничего не изменится, притом что у меня была огромная зарплата и жили мы с Игорем Сориним в огромной квартире в центре Варшавы. Пришел к Янушу и говорю: «Все, спасибо, я уезжаю в Москву, увольняюсь». А он такой: «Ты что, с ума сошел, у вас там война, блин!» А это был 1993 год. И я вернулся в Сочи, в Театр мод, переделал его на бродвейский лад и через год работы поставил спектакль и, разумеется, пригласил Матвиенко на премьеру. Вот тогда мы и придумали создать музыкальный коллектив. Я собрал манатки и уехал в Москву.

Игорь мне снял квартиру на «Академической», и мы стали заниматься поисками двух мальчиков и двух девочек — таким мы хотели сделать состав. Я сразу же привел Сорина на прослушивание, потом подтянулся Кирюха Андреев — Ветлицкая познакомила его с Матвиенко. А вот с девочками было забавно. Мы обошли все клубы Москвы, все агентства мод — и везде или красивые, но непоющие, или наоборот. Не было подходящих телочек, короче! В итоге я нашел одну девочку в Сочи, привез ее в Москву: хулиганка, с дредами, со шрамом, татарочка, пела один в один как Элла Фицджералд. Так через три дня после того, как эта Соня приехала в Москву, она мне позвонила и заявила: «Андрюша, я познакомилась с парнем, он подарил мне белый «мерседес», я выхожу замуж и не буду выступать у вас в группе». Тогда я и сказал Матвиенко: «Может, мы и останемся втроем?» И когда мы первый раз вышли на сцену, сразу стало понятно, что нам никакие девушки не нужны.

Клип «Тучи» не был первым клипом «Иванушек» (до того показывали как минимум их «Вселенную»), однако именно с него началась всенародная популярность группы

Первый клуб, в котором мы выступали, был «Макс» на «Вернадского», самый модный. Москве тогда еще не было столько тусовочных мест, как сейчас, — и этот «Макс» был таким гламурным, богемным клубом; его совладельцем был Богданов, который «Русским радио» занимался. По знакомству он нам там предложил устроить репетиционную базу — днем мы репетировали, а вечером там же начиналась клубная жизнь. Важной тусовкой был великолепный музыкальный фестиваль «Поколение», который проводили Федя Бондарчук, Степан Михалков, Антон Табаков и Степан Полянский. Ну и еще, конечно, все тусовались в «Сохо» — это вообще было самое богемное место, там можно было встретить людей, начиная от Владислава Листьева и заканчивая тем же Матвиенко. Там еще платный вход был, 40 долларов — то есть что-то за гранью: тогда это были огромные деньги. Звезд, конечно, просто так пропускали, я, кажется, никогда за вход не платил.

Первые годы в Москве я много шабашил как ведущий — тогда еще было мало концертов. Помню, я проводил конкурс в дорогом клубе Up & Down — «Мисс Up & Down» или что-то такое. Заработал за вечер 100 долларов. А потом туда приехал Матвиенко, заказал, значит, бутылочку винца, тарелку фруктов — и с него содрали типа 800 долларов! Я говорю: «Нормально я заработал, Игорек! Ужас!» Тогда еще была некая когорта людей, у которых было действительно до хрена шальных денег. У меня, конечно, их не было. Поэтому я просто приходил и брал себе один бокальчик виски на весь вечер. Я не мог себе позволить купить бутылку коньяка и всех угостить, но вокруг было полно людей, которые с удовольствием это делали.

Еще был «Джусто» — вообще феноменальное место. Андрей Кобзон, по-моему, руководил им, сын Иосифа Давыдовича. Я как-то пришел туда потихонечку, познакомился, со всеми подружился. И с тех пор у нас такая своя банда образовалась — ну в хорошем смысле банда. То есть с тем же Федей Бондарчуком мы, может, раз в месяц сейчас видимся, но тем не менее у нас очень теплые, дружеские отношения. Сергей Гулливер, такой медийный персонаж, тоже начинал в «Джусто» тусоваться, Марика в 15 лет там зажигала, Гоша Куценко, Отар Кушанашвили, Синиша Лазаревич — сейчас все выросли, а отношения по-прежнему теплые. Раньше музыканты теснее общались, что ли. Сейчас я даже не знаю, где молодые общаются между собой: по своим каким-то нычкам сидят.

В наши первые выступления, конечно, вкладывался продюсер. Первые-то полтора года мы по школам ездили, чтобы нас хотя бы узнавать начали, в клубах где-то по 300 долларов всей командой получали, каждому где-то тридцатка выходила на человека. А цены уже тогда были адекватные — как сейчас примерно. Матвиенко еще мне оплачивал квартиру, ну и давал 150 долларов на сосиски и на картошку, на морковку и макароны — грубо говоря, зарплату. Но Матвей нам сразу сказал, когда мы начинали, мол, вы не думайте, что будете много зарабатывать, лет через десять купите себе однокомнатную квартиру в Москве, если повезет. За первый свой альбом я получил 1000 долларов. Тысячу! Вместо того чтобы купить

себе дом на Рублевке, гараж, спортивный автомобиль — ну как это бывает во всем мире. У нас, кстати, до сих пор многие ребята еле-еле сводят концы с концами, снимают квартиры. Вот напротив меня в жутком кирпичном доме живет парень из «Премьер-министра».

Так мы провыступали полтора года, а потом сняли клип на «Тучи». И вот один раз показали песню по телевизору, и все — влюбилась вся страна. Помню, мы выходим выступать после этого на День города, у нас пять или шесть песен, а уже после двух толпа сметает ограждения — и прямо погоня начинается. Мы в машину — машину поднимают, девки визжат, мужики ревут. Такой долгой и головокружительной славы не было ни у одного другого коллектива потом, хотя столько лет прошло. Три года у меня жили 50 девчонок в подъезде. Была прямо иерархия: на моей лестничной клетке самые боевые, и там дальше по ступенькам вниз. Я им одеяла покупал, пледы, чтобы они не мерзли по ночам. Да пипец! То есть я выхожу машину ловить, за мной стоят 50 девчонок. И водители такие — ты чего?! А я им: «Да я один еду, один, отвезите куда-нибудь».

У меня утро начиналось с криков: «Андрей, выходи!» Я им говорил: девочки, давайте так — до двенадцати меня не беспокойте, тусуйтесь сами. То есть мне будильник не нужен был. Хотя тяжело было, да. У меня на телефоне было по 2000 звонков в день — он у меня взорвался однажды. У нас был склад с письмами — в них можно было просто плавать.

Конечно, когда к нам слава пришла после «Туч», все поменялось мгновенно. Стали давать по 40 концертов в месяц — купил квартиру в центре Москвы в 1998 году. То есть буквально за полтора года накопил на 80 метров. Ну и ребята примерно тогда же жилье себе купили. У нас в коллективе не было такого никогда, чтобы я зарабатывал больше Кирилла и Игоря. Хотя это же я придумал коллектив. И мог бы Матвею сказать: «Это я тебе привел всех, научил всех танцевать — я же, получается, режиссер-постановщик, гони бабло!»

Интервью: Марина Зенкина

Генрих Боровик, журналист

Первые полгода в «Огоньке» Генриху Боровику доверяли только подписи под фотографиями

когда приехал: 1947 год

откуда приехал: Пятигорск

чего добился: стал журналистом-международником

Был молодой, во все верил. В школе у меня были две большие мечты. Отец учился в Московской консерватории, был и симфоническим дирижером, и дирижером в музыкальном театре. Когда в 1947 году я заканчивал среднюю школу в Пятигорске, отец был там главным дирижером Театра музыкальной комедии, а мама — очень популярной актрисой в том же театре. И я, конечно, подумывал о сцене. Иногда даже играл в спектаклях крохотные рольки — мужчин не хватало.

Но была и другая мечта — журналистика, литература. Много читал. И классики, и современных писателей. Во время войны и после абсолютно зачитывался Симоновым, Эренбургом, Полевым — их газетными очерками, книгами. Они писали о войне, а после победы — о международных делах, о жизни мира. Захотелось попасть в МГИМО. Ну а уж если не получится, тогда — в ГИТИС.

Выпускников с золотой медалью в МГИМО принимали почти без экзаменов — только иностранный язык и собеседование. Я благополучно сдал английский, которому обучался в школе, и добавил, что дома учил еще и немецкий. Преподаватель поцокал языком и записал в бумагах.

На другой день было назначено явиться на собеседование. С дрожью услышал, что проводить его будет сам ректор — Юрий Павлович Францев. Первый вопрос: «Чем вы интересуетесь в жизни?» Я отвечаю — журналистикой, театром, музыкой. Францев качает головой и говорит: «Wir sind gute Leute, aber schlechte Musikanten. Если не трудно — переведите эту фразу и, кстати, сообщите мне, откуда я ее похитил». — «Мы

хорошие люди, но плохие музыканты». А «похитил» он ее у Чехова. На другой день мне сообщили, что я принят. Это была для меня великая радость!

С одним из однокашников нашли себе угол в коммуналке. Стипендия небольшая, но «съедобная». Родители присылали раз в месяц добавочку.

Все «лишние» деньги я тратил на театр, билеты часто покупал с рук. Преподаватели были разные: и хорошие, и не очень. Хороших мы, конечно, любили. Видели, как им нелегко. Понимали, что не могут все сказать, что знают. Сами мы (говорю за себя и за своих товарищей) рассчитывали, что у нас будет по-другому: будем говорить что хотим.

Дружба заполняла всю остальную жизнь. Что мы делали в свободное время? Трепались. Разговаривали о многом, в том числе о серьезных делах — были откровенны друг с другом. Со мной в одной группе учился Серго, сын Анастаса Ивановича Микояна. Далеко не все знали, что он сидел в тюрьме. Идиотская вещь — у него в школе, в 8-м или в 9-м классе, наладилась с ребятами игра. Писали друг другу «приказы»: «Штурмбаннфюреру СС Тюткину. Приказываю сегодня пойти с нами в кино». Ну и ответ типа: «Гауляйтеру Иванову. Сегодня не могу. Есть работа в гестапо. Честь имею». Кто-то донес. Серго и других «гауляйтеров» арестовали. Родителям ничего не сообщили, они безумно волновались. Все разузнал на другой день Анастас Иванович. Позвонил жене: «Ашхен, не волнуйся и передай другим. Все в порядке: наши дети в тюрьме». Такое вот было время.

Театр продолжал меня интересовать. Но уже в конце второго курса институт окончательно меня покорила. У нас была замечательная стенная печать — ежемесячный «Международник» длиной метров в пять и высотой в полтора. Кроме него выходили курсовые газеты. Я смотрел на них, завидовал авторам, а потом сам попробовал писать.

Газеты и книги читал запоем, все больше и больше увлекаюсь именно этим. В институте проводились какие-то конкурсы литературно-политические, и я довольно часто побеждал, что, конечно, добавляло желания идти по этому пути.

На практику попросил послать меня в «Комсомольскую правду». Там тогда работал Борис Стрельников — фронтовик, совершенно замечательный человек и журналист. Я даже не знал, но потом оказалось, что он тоже из Пятигорска и даже учился со мной в одной школе, только был старше меня лет на шесть или семь. Он мне очень помог. И вот «Комсомолка» прислала на меня официальную заявку: им в международном отделе понравилось, как я писал, и как к человеку ко мне претензий не было.

Я уже знал, что в МИД меня не возьмут из-за отчества: библейское, от имени Авиэзер — «Бог в помощь». Мама была коренная русская — Мария Васильевна Матвеева, но на это внимания не обращали. Шел трудный, мрачный 1952 год. В газетах писали об «убийцах в белых халатах» — евреях, которые сознательно свели в могилу несколько высших советских руководителей. Поэтому я очень обрадовался заявке из «Комсомолки». Но к моменту последнего экзамена руководство газеты ее аннулировало. Я был уже в очень тяжелом положении, в ужасном настроении. Учеба кончилась. Куда идти работать, я не знал.

И вдруг звонок из журнала «Огонек», спрашивают Боровика: «Зайдите к нам, есть для вас предложение». Я сразу поехал к ним. Со мной говорил Карл Непомнящий, очень известный тогда журналист: «О тебе рассказывал Борис Стрельников». Непомнящему уже показывали мои статьи из «Комсомолки», из институтской стенгазеты — все ведь проверяли тогда. Международным отделом «Огонька» руководили два пожилых человека. Одного звали Александр Сергеевич, другого — Лев Николаевич. Огоньковцы говорили: «отдел усопших классиков». Непомнящий говорит: «Ты же активный, давай попробуем тебя?» Давай попробуем?! А что мне еще было делать?

«Усопшие классики» оказались замечательными людьми, я себя чувствовал с ними как в семье. Вся редакция «Огонька» ко мне относилась, во-первых, с интересом («получится ли из него журналист?»), а во-

вторых — с искренним желанием помочь. Главным редактором был известный поэт Алексей Александрович Сурков, а его первым замом — Борис Сергеевич Бурков, который всю войну был главным редактором «Комсомолки». Если из меня что-то и получилось, то во многом благодаря ему. Кроме того, в «Огонек» запросто заходили и Симонов, и Полевой, и Михалков, и многие другие известнейшие писатели и журналисты. Вначале самое большое, что мне доверяли, — подписи под фотографиями. Но однажды на редколлегии кто-то сказал: «Слушайте, какие хорошие подписи!» Я действительно старался делать их не шаблонно, по-человечески, с юмором. Бурков время от времени звонил и говорил: «Боровик, ну ты вообще сегодня — отличная подпись под фотографией».

Прошло примерно полгода, и вдруг я прогремел. В Москву приехал сын Черчилля — Рэндольф. Жил он в «Национале». Я предложил: «Давайте возьмем у него интервью». Все согласилось. Беседа проходила в отеле «Националь», где Черчилль жил в номере, окнами выходящем на Кремль. Он вел себя нагло и вызывающе. В один из моментов подошел к окну и говорит: «У меня есть друг — министр обороны США. Так вот он может уничтожить все это, — показывает рукой на Кремль, — за пять минут». Я спрашиваю его: «Вам не стыдно так говорить?» Он отвечает: «А чего мне стыдиться?»

И я написал все это в «Огоньке». Интервью вызвало сенсацию. Помню, в редакции «Правды» я ехал в лифте с несколькими людьми, среди которых был Константин Симонов. Он меня не знал, никогда не видел. И вдруг слышу: «Какой молодец этот ваш парень, который у этого подонка, сына Черчилля, интервью взял!» А первое благодарственное, даже восторженное письмо я получил от Бориса Полевого. Все это для меня было большим праздником, большой помощью.

Интервью: Мария Кувшинова

Александр Шабуров, художник

когда приехал: 1999 год

откуда приехал: Екатеринбург

чего добился: вместе с Владимиром Мизиным создал арт-группу «Синие носы»

Был у меня такой дружок — журналист Слава Курицын, — который развелся с женой и в середине 1990-х переехал из Свердловска в Москву. С собой он перетащил двух свердловских поэтов, и все они про Москву твердили одно: всегда нужно иметь при себе 50 рублей, чтобы откупиться от милиции. И я думал: какая же в Москве сложная и тяжелая жизнь. В какой-то момент появился повод самому приехать в Москву: в галерее Spider & Mouse открывалась моя выставка. Я остановился у одного из этих свердловских поэтов. Звали его Сережа. Делать ему было нечего, и он ходил за мной по знакомым. В гости, как водится, я брал с собой бутылку водки, которую обычно выпивал Сережа. На открытии моей выставки он тоже наклюкался, и мне пришлось за руки вытаскивать его из метро. И никто нас не задержал — ни один милиционер!

В конце 1990-х в Москве была мода на провинциальные таланты. Нужно было подтверждение, что «современное искусство» не просто иностранная зараза и имеет у нас кое-какие корни. Фонд Сороса давал деньги на поиск провинциальных художников куратору Андрею Ерофееву. Он с ребятами разрушал коллективистские ценности и пропагандировал индивидуализм и гомосексуализм, отчего каждая его выставка сопровождалась скандалом. ГЦСИ и Леонид Бажанов получали деньги из Минкультуры, и у них был свой интерес: показать, что русское искусство не только московское. Марат Гельман посылал своих эмиссаров в провинцию, но для него опора на провинциальных художников была собственным ноу-хау — он сам из Кишинева. Была у Гельмана и еще одна цель. Он работал в предвыборном штабе СПС («Союз правых сил» Сергея Кириенко. — *Прим. ред.*) и пытался вовлечь как можно больше людей в свои проекты. Одним из них стал масштабный фестиваль «Культурные герои XXI века», на котором были представлены работы многих провинциалов, в том числе и мои. Собственно, так все и получилось: подвернулась работа, потому я и переехал в Москву.

Первое время я жил у поэта Игоря Сида. У него была двухкомнатная квартира в Марьино: в одной комнате — он с женой и детьми, во второй — какой-то поэт, зарабатывавший иглоукалыванием, на кухне — я. Это было странное место. Помимо людей там жили черепашки и крыса, которая однажды полночи ползала по мне, перетаскивая сыр к мусорке — там у нее были запасы еды. Я еще писал для газеты «Неофициальная Москва» и в одной статье назвал эту квартиру свинарником. Сид жутко обиделся: «Если бы ты назвал квартиру гадюшником, я бы понял, но свинарник — это грубо, так что ищи новую квартиру». Пришлось съехать. Вообще, конец 1999 года — совершенно idiotские времена. Миллениум, предвыборная гонка в октябре-декабре. В штабе СПС сидела половина всей московской творческой интеллигенции. К примеру, поэт Тимур Кибиров возглавлял отдел сочинения антикоммунистических листовок, высосанных из пальца. Там же сидел Миша Фишман (бывший главный редактор журнала «Русский Newsweek». — *Прим. ред.*), который тогда еще был простым кинообозревателем. Они занимали целый этаж в здании Центрального телеграфа, где постоянно пили, курили и матерились. А я никак не мог понять, на хрена СПС собрал здесь всю эту московскую шушеру и на хрена он ее поит и кормит? Один из деятелей СПС мне объяснил: «Если их будем поить не мы, то они будут сидеть в штабе у Лужкова и будут продуцировать дискурс, выгодный им». Каждодневные пьянки продолжались до марта 2000-го. Потом все отрезвились — эйфория, подпитанная ожиданием миллениума, улетучилась. Единение, которое было следствием всеобщей эйфории, тоже ушло.

Как и любой художник из провинции, я тянулся к московскому искусству — концептуализму, акционизму, новым медиа. Думал, что в Москве художественная жизнь бьет ключом. Но все выглядело не так, как мне представлялось. Искусство оказалось очень герметичным: люди сидели в подвалах и по ночам делали произведения, понятные только им самим. На их выставки было неинтересно ходить. Все выглядело примерно одинаково: на стенах висит что-то непонятное, рядом лежит 12-страничный пресс-релиз какого-нибудь философа, объясняющий ценность этого. Иными словами, инкорпорироваться в московскую художественную тусовку не хотелось, да я и не пытался. В итоге мы начали работать с Вячеславом Мизиным. Что удивительно, наша с Мизиным общность мировоззрений обнаружилась именно в Москве. В Екатеринбурге мы друг друга за хороших художников вообще не считали. Я думал, что я-то действительно талантливый, я учился, много знаю, умею, а Мизин — выскочка, архитектор, который ничего не понимает. Он думал обо мне точно так же. А в Москве нас вдруг начали объединять в какую-то группу, которую чаще всего называли «сибиряками». Оказалось, что для москвичей почти все, что находится за МКАД, — Сибирь.

Марат Гельман одним из первых обратил внимание на «Синие носы» — Шабуров и Мизин сотрудничают с ним по сей день

1/2

Фотография: ИТАР-ТАСС

Помню, Дмитрий Пригов как-то сказал мне, что провинциальные художники не хотят влипать в столичную систему ценностей. Но у этого феномена есть и обратная сторона: вся Москва ужасно сепарирована, разделена на группки и субкультурки, которые никак друг с другом не соприкасаются. Когда приезжаешь из провинции, чувствуешь себя как дикарь из «Простодушного» Вольтера, тебе вся устоявшаяся система кажется абсурдной. В провинции все перемешано, все со всеми общаются. А в Москве кто-то группками собирается в «Жан-Жак», кто-то еще в другом каком-нибудь кафе, и эти люди никогда друг с другом не встретятся. Я однажды познакомился с простым и, как мне тогда показалось, чуть ли не детдомовским художником. Недавно мы встретились, и он мне рассказал, что впервые выехал из Москвы на поезде и понял, «почему эти люди голосуют за Путина». «Это какое-то совковое быдло, у них картошка и огурцы на огороде растут, пенсии хватает только на водку, и им больше ничего не нужно», — говорил он на полном серьезе. Кстати, этот художник сейчас, скорей всего, сидит в «Жан-Жак».

Я думаю, провинциалы пытаются завоевать Москву, потому что здесь много денег. Это правда. В первый же день в Москве я нашел на улице пятьдесят долларов, но были и «бедные» периоды: однажды я всю осень проходил в протертых ботинках (на подошве одного была дыра, и я заклеивал ее скотчем). К зиме, правда, я заработал на новые ботинки. Но к таким периодам я уже привык. И к Москве тоже привык.

Интервью: Елена Ищенко

Вадим Дымов, предприниматель

когда приехал: 1999 год

откуда приехал: Владивосток

чего добился: основал компанию «Дымов» и открыл книжные магазины «Республика»

В Москву я впервые приехал в 1993-м. Мы пытались заняться бизнесом, связанным с женской одеждой... Или нет... Не помню уже, что именно. Я жил в гостинице «Украина», и у меня случился конфликт с ребятами с Кавказа, который мы, правда, быстро локализовали. Они по-быстрому признали во мне альфа-самца, и мы подружились. Да, время тогда было жуткое.

Потом я бывал в Москве достаточно регулярно — по пути из Владивостока в Европу. Покупал оборудование для заводов, приходилось часто летать. Знаете, я скажу честно: оставаясь тут жить, я думал, что из Москвы стартану в Германию или Австрию, что это будет для меня трамплин. Думал, пробуду здесь год-два — и полечу дальше. Но получилось так, что я зацепился за город. Есть у меня приятель — Кирилл Кульбаба, мы с ним вместе в военном училище учились; он в то время работал на заводе «КампоМос». И однажды он мне говорит: «Вадим, здесь один завод продается, поехали посмотрим». Я говорю: «У меня нет желания покупать завод». А он: поедем да поедем. Поехали, посмотрели — место красивое. Здесь же тогда не было ни парковок, ни автодилеров. В 1999-м я купил завод, который тогда назывался АОЗТ «Крылатское», и остался жить в Москве. Хотя, конечно, в Москве я по большому счету оказался благодаря своему партнеру, с которым мы когда-то начинали бизнес во Владивостоке. Позднее ко мне присоединились мои однокашники по военному училищу: Алексей Сошников (он сейчас гендиректор «Республики»), Сергей Суржиков, мой брат Егор, а затем и мама в Москву переехала. Я был одержим проектом. Многие, конечно, относились к нему скептически. Помню, как коммерческий директор одного завода, москвич, сказал мне что-то такое про «региональный взгляд на проблему», в смысле — что у меня ничего не выйдет. Я с ним поспорил то ли на бутылку коньяка, то ли на сто долларов, что дойду до определенного уровня в такой-то срок... Кажется, мы даже называли какую-то цифру. В общем, спустя лет шесть в одном из интервью Дима Панкратов (вице-президент по продаже нефтепродуктов и обеспечению углеводородным сырьем «Башнефти»). — *Прим. ред.*) рассказал, как он со мной спорил и как признал, что я был прав. Мне было очень приятно такое прочитать.

Первые пять лет я работал как заводной. Мне нравилось утром приходить, ночью уходить. И коллективу тоже, кажется, нравилось. Я никогда никого не ругал, но старался мотивировать людей на работу. Например, когда были большие заказы, просил всех офисных сотрудников спускаться на производство, переодеваться в белые одежды и помогать. Даже бухгалтерию — можете себе представить? Я делал то, что считал нужным. Помню, как ко мне хулиганы приходили — говорить о том, что надо платить в общак. А я это все еще во Владивостоке прожил, поэтому меня трудно было напугать. Хотя ситуация была серьезная. Пустое здание на окраине города, охраны никакой — и тут подъезжает «восьмой» (Audi A8. — Прим. ред.) с несколькими парнями. Помню, беседовать с ними остались я и мой одноклассник Алексей, с которым мы тогда были партнерами. А финансист, тоже наш однокашник, испугался и вышел. Его аж трясло всего. Он мне потом говорил: «Георгич (он меня со школы Георгичем зовут), ты когда им вот это сказал, я думал, они стрелять сейчас начнут». А мне в тот момент — ну правда — было забавно. Один из этих гостей, к примеру, все время пытался продемонстрировать нам свой наган. Но я прожил много лет во Владивостоке и, в принципе, понимал, как с такими людьми надо разговаривать. И в какой-то момент я сказал: «Ребята, слушайте, попейте чай, кофе и бегите домой спать, занимайтесь своими делами». А они мне: «Мы с вами че, не договоримся?» Я после этих слов совсем обессилел и спрашиваю Алексея: «Что ж с этим делать-то?» А Леша мне так спокойно отвечает: «Вадик, видишь пепельницу? Запусти ее в них».

Я с любовью отношусь ко всем своим проектам. «Дымов» — это то, ради чего я остался в Москве. А «Республика»... Она мне ближе — я ведь все-таки гуманитарий по образованию. Я считаю, что это был выплеск, который я долго копил в себе и который впоследствии сильно изменил городской ландшафт. Когда я строил самый первый магазин на Тверской-Ямской, заходили разные люди, видели все белое и вздыхали: «Не будет работать». Пытались успокаивать: «Ну, Вадим, ты же знаешь, нам все это жутко нравится, но люди не поймут». А я думал: ну поймут — не поймут, мне-то какое дело? Я просто делаю то, что мне нравится. Я кивал головой, но продолжал гнуть свое — все, что зарабатывал здесь-там,

вкладывал в «Республику». Для меня первая «Республика» — место, где я познакомился со многими ребятами, которые сейчас формируют московскую тусовку. Кто-то из них хипстер, кто-то ненавидит это слово, другие — фотографы, дизайнеры.

Москва большая. Но конкурентным городом она стала только в 2000-е. Это сейчас тут не пролезешь нахрапом со своей идеей, а в середине 90-х — пожалуйста. Скажу так: сильные духом и сегодня пробиваются везде, где хотят, потому что у них есть сильная идея. Успех, он ведь зависит от личных убеждений, от веры в то, чем ты увлечен, тогда и люди это чувствуют. А если ты просто обладатель папиного состояния и думаешь этим всем понравиться, то, наверное, ничего из этого не выйдет. Деньги в Москве ничего не решают. Пятнадцать лет назад у людей не было больших денег — точнее, были они большими, но по тем временами, — и ими никто не кичился. А потом появились деньги нефтяные, которые девальвировали само понятие. Человек тратил двадцать миллионов долларов на дом, сто тысяч на вечеринку. Появилась вся эта гламурная история, где нужно сорить деньгами. Наверное, по тем временам я тоже был состоятельным человеком, но никогда об этом всерьез не задумывался.

Вообще-то, конечно, никакой я не москвич. Я с уважением отношусь к Москве и москвичам, но всегда чувствовал себя дальневосточником... Одно время даже хотел сделать себе татуировку — «far easter». Ну — в смысле «дальневосточник», чтоб не забывать, откуда я родом. Даже придумал логотип: шагающий тигр. Пока не сделал. Но неделю назад мы открыли «Республику» в Tsvetnoy Central Market, и его эмблемой является как раз такой вот тигренок. Я горжусь тем, что с Дальнего Востока.

Интервью: Наталья Кострова

Роман Мазуренко, промоутер

когда приехал: 2006 год

откуда приехал: Минск

чего добился: запустил вечеринки «Idle Conversation», занимался летней программой «Стрелки», придумал стартап Stampsy

Не очень понимаю, что я делаю в сборнике рассказов про завоевание Москвы: какого-то ошеломительного успеха я в этом городе не добился, и мое имя по большому счету мало кому известно. Но если подумать: как раз те двести-четыре человека, с которыми я в 2005–2007 году познакомился в этом городе, сейчас являются главной здешней движущей силой и генераторами идей. А если говорить про успех — то я искренне считаю, что самым страшным проклятием для человека, который тебя сильно обидел, будет пожелать ему стать успешным в Москве. Потому что ничего ужаснее этого быть не может: успех означает, что ты останешься здесь навсегда. Этот город, может быть, подарит тебе машину и квартиру в Серебряном Бору — но ты до конца жизни будешь стоять в вечной пробке по пути с работы домой. Только если ты больше всего на свете ценишь свободу, Москва для тебя будет просто трамплином, а не липучкой. Ты не обязан, как орк из «Властелина Колец», до смерти добывать уголь в одной из местных шахт — пусть даже эта шахта украшена цветочками, а при ней оборудованы велопарковка и молл со «Старбаксом».

В 2006 году выпускник Дублинского колледжа Роман Мазуренко переехал в Москву

Я вырос в Минске, но успел перед Москвой пожить пару лет в Америке и пару лет в Дублине. Место, где прошло твое детство, не может быть плохим, но трудно не признать, что Минск — очень сонный город, глубоко застрявший где-то в 80-х. Спасибо родителям, школу я закончил уже не в Минске, а в Америке — правда, в не менее сонном городке с населением 6000 жителей. Зато там была библиотека, где можно было бесплатно читать всякие журналы типа i-D и Dazed & Confused. Потом мне повезло получить стипендию

одного дублинского колледжа. Дублин в то время смахивал на Москву: костяк тусовки был очень компактным, всего 400–700 инициативных людей, которым хотелось большего, чем ходить на стадионные концерты диджея Тиесто и заседать в пивных. И я с ними всеми перезнакомился. Пока я учился в Ирландии, мои родители успели переехать в Москву. Я по ним скучал и стал их навещать — а заодно присматривался к городу. Москва была тогда очень яркая, развратная, такая баба-дуреха. 2005 год — пик клубов из серии «Осень-Зима-Лето», охранников с автоматами и сети магазинов «Алтын», которые меня просто магнетизировали. Складывалось ощущение, что кто-то включил денежный шланг, который поливал московские тротуары — и все вокруг цвело. Я на это все смотрел с раскрытым ртом — и возвращался в Дублин, где было по-европейски опрятно, мило, весело, но при этом безопасно — не то что в Лондоне. А потом Москва, как венерина мухоловка, меня прихлопнула и начала понемногу переваривать.

Благодаря Мазуренко и компании в 2007 году в моду вошли эффектные автопортреты

В Дублин я решил больше не возвращаться. На первое время обосновался у родителей: я очень боялся снимать жилье, потому что считал, что это первый признак того, что ты здесь останешься навсегда. Город тогда мне казался большой настольной игрой, инструкции к которой у меня не было. И тогда я стал действовать по принципу «стучи во все двери» — то есть стал просто знакомиться со всеми подряд. Сделать это было нетрудно, потому что как раз случился бум кафе и кофеен, и все безвылазно сидели то в заведениях в Камергерском переулке, то в модном тогда кафе «Клон» на Большой Дмитровке. А еще тогда широко использовалась формулировка «впервые в Москве». Например, в 2005 году впервые в Москве играл диджей Тига. Случилось это в довольно страшном кафе «Мио», где, как тогда было принято говорить, «были все». И вот через некоторое время эти «все» стали моими друзьями. Появилась тусовка из 200 человек: кто-то работал в журнале «Афиша», кто-то фотографировал своих друзей на зеркалку и выкладывал снимки в только что запустившийся блог Look At Me, кто-то занимался музыкой, кто-то модой.

Вообще, в 2006 году у двадцатилетних в Москве было два сценария. Первый: сидеть тихо и не высовываться, ездить на Горбушку за редкими дисками и до хрипоты обсуждать любимую музыку с друзьями в ЖК. Второй: пытаться вскочить на волну пресловутого путинского гламура. Вариант вполне логичный, если учесть, что волна тогда достигла абсолютного пика. Русский Conde Nast бил мировые рекорды, журналисты получали по 150–170 тысяч. Кроме того, возникла страшная мода на разного рода продюсеров, пиарщиков и политехнологов. Последние тогда слыли какими-то придворными философами Кремля и, в общем, занимались полной пелевинщиной. Одним из таких серых кардиналов был некто Петр Щедровицкий — он тогда с одинаковым успехом заведовал самыми разными вопросами, от культурной политики до атомной энергетики. Наверное, он и его коллеги были действительно неглупыми дядьками. Они очень хотели вырастить новое поколение всяческих пушеров и шейкеров себе на смену. Для этого они устраивали лекции и семинары, куда желающих — и меня в том числе — вывозили на автобусах в какие-нибудь подмосковные лагеря и рассказывали про новый русский порядок и всяческую сурковщину. Недолгое время я их слушал, но потом все-таки предпочел политике культуру. Хотя культура — это громко сказано. На месте городской культуры тогда зияла удручающая пустота, причем настолько плотная, что, казалось, хватит какой-то искорки — и поперет так, что мама не горюй. Начнется то, что в стартапах называется термином traction, а по-русски — просто движухой.

Наша движуха началась с того, что мы попробовали мыслить не карьерами, а проектами. Цель карьерного человека — деньги, и каждый свой шаг он планирует таким образом, чтобы заработать еще больше. Это очень линейная история. Мы же были страшно инфантильными прожекторами и придумывали некие идеивспышки: журнал, фестиваль и так далее. В частности, мы с Васей Эсмановым, Димой Устиновым и тогда очень модным диджеем Антоном М купили в «Детском мире» ватман и начали рисовать мудборд про то, чего лично нам не хватает в этом городе. С этим проектом мы пошли к бизнесмену Дымову — продавать ему идею за миллион долларов. В общих чертах это было нечто вроде гигантского катамари: сайт Look At Me, музыкальный фестиваль, творческие студии, креативное агентство и журнал LAM... Дымов нас послал — и правильно сделал, потому что вместо маркетинговой акции для книжных город получил большое количество довольно интересных независимых проектов.

Еще одной вспышкой стали вечеринки «Idle Conversation». Казалось бы, подумаешь, дискотеки, но в 2007-м именно в этом, а не в моде и не в современном искусстве, заключалась энергия. Когда я впервые приехал

в Москву, считалось, что самые интересные вечеринки делают во «Флегматичной собаке» — на минуточку, это было интернет-кафе. При этом здесь вкладывались бешеные деньги в клубы — но вкладывались только в инфраструктуру. В архитектуре есть два понятия: хард и софт. Хард — это здание, кирпичи, вентиляция — все, что придумывает архитектор. Вот на это в Москве охотно давали деньги. А мне всегда было интересно делать софт — то есть содержание, программирование. Есть куча плохой архитектуры — это хард, о котором люди даже не вспоминают. А есть софт, который может просуществовать всего год, но о нем будут говорить долго. Это как воспоминания из детства: можно забыть квартиру в брежневке, но всю жизнь помнить запах бабушкиных блинов.

После запуска «Idle Conversation» в Москве стало немодно употреблять наркотики, а всякие транс- и техно-пати оказались чудовищно устаревшими. На вечеринках в «Пропаганде», чтобы выгнать из зала «старую Москву», мы в начале вечеринки ставили Диму Билана — это звучало по-панковски. К нам подходили люди и показывали эсэмэски на своих телефонах. Там было написано: «Вы убили клуб «Пропаганда».

Примерно тогда в нашей жизни появились разные взрослые товарищи с кучей весьма и весьма щедрых предложений и одним и тем же вопросом — как нам разговаривать с вашей публикой? В основном это были какие-то водочные бренды, тачки и сигареты — словом, все, что убивает людей. И всем были нужны идеи, консультации, пресловутый креатив и так далее. И в этот момент случилась очень интересная вещь. Оказалось, что Москва перестала делиться на «гламур» и «новую волну»: эта «новая волна» тоже четко разделилась на сторону «добра» и сторону «зла».

Одни люди из года в год затевали проекты, чтобы сеять свет и заниматься улучшением городского климата. А другие просто стилизовали старую, гнилую реальность, чтобы продолжать делать деньги. У панков это называется лаконичным словом «селлаут».

Москва — как хитрый джинн из бутылки. Она всегда исполняет твои желания, но таким извращенным образом, что ты начинаешь то и дело задумываться, добрый это джинн или злой. Получалась забавная вещь: нам очень хотелось делать интересные проекты, развиваться и зарабатывать, и — о удача! — к нам приходили довольно влиятельные люди, чувствуя, что наступает какая-то новая пора и мы понимаем ее чуть лучше, чем они, и предлагали «делать бизнес» вместе. Речь шла о туманных перспективах мирового господства, для которого, разумеется, придется для начала пару годиков попотеть, нае...ывая лохов. Мы даже придумали для этого название «Московский успех». При детальном анализе любого такого предложения оказывалось, что элемент «нае...ывания лохов» оказывался в нем единственной незыблемой константой, при изъятии которой вся империя как бы шла ко дну. По злой иронии судьбы мы до сих пор не успели избавиться от наивной веры в идеалы, поэтому, помучившись пару лет, все «деловые встречи» прекратили.

В 2008 году Мазуренко сделал журнал LAM, лучше всего описывающийся термином artsy fartsy

По большому счету Москва в конце нулевых спрашивала тебя: ты что хочешь? Хочешь — делай большие проекты, как Марат Гельман, но тогда отстань от меня со своими велодорожками, парками, свежим воздухом и прочим этичным потреблением. А хочешь — живи в соответствии со своими принципами, но так и останешься в тени больших людей, делающих «серьезные дела», будешь есть крошку-картошку и проповедовать теорию малых дел — которые навсегда останутся малыми. И чем сильнее у тебя развито это, тем сложнее было сделать выбор.

За что я на самом деле благодарен этому городу — это за то, что я за очень ограниченное время будто увидел переход от Большого взрыва до формирования жизни на планете Земля. То, о чем мы говорим, трудно назвать хипстерством — это просто интересные изменения в городе. Из-за этого клейма, кстати, у нас вышел некий идеологический конфликт с Юрой Сапрыкиным. Так вышло, что Юра (к которому мы хорошо относимся) утрамбовал поколение со страстью к новым идеалам в «движение инфантильных конюмеристов», сведя все в неглубокую плоскость винтажных фотоаппаратов, дешевой одежды из Topshop и секонд-хендов, очков Ray Ban и «е...ашить луки». Грустно, но многочисленные популяризаторы термина, похоже, не разглядели в этой новой молодежи ничего хорошего и дали ей отличный повод разобшиться. Несмотря ни на что, все по инерции продолжается — слишком уж значительным был этот

взрыв. Этот вирус проникает даже в самые мертвые пни, которые расцветают березками. И пресловутые Мамут и Капков — как раз такие заново расцветшие пни, и они это прекрасно знают. Я уверен, что, когда люди стареют, они начинают много думать про смерть. Поэтому они тянутся к молодым, как к стволовым клеткам каким-нибудь, — и распространяют этот вирус дальше. Всего за пять лет в Москве появились вещи, которые раньше казались невозможными, и за многие стоит благодарить именно их. Я рад, что все так получилось. «Нас» больше не 200 человек — достаточно вспомнить последние многотысячные Пикники «Афиши». Из разреженной пустоты в городе возникла нормальная, искренняя, цивилизованная среда. Я бы не сравнил Москву с Лондоном или Нью-Йорком, скорее со Стамбулом или Пекином. Открытие магазина Oldich пару лет назад было бы событием городского масштаба — а теперь просто приятно взять на заметку, что вот и бородатым людям в бабочках есть куда ходить. Раньше были «мы» и «они», а теперь все дифференцировалось. Вот клубы для людей в бабочках, а вот парки для фанатов пробежек. Все это будет и дальше уплотняться и уплотняться, пока не произойдет какой-то новый взрыв.

Не хочется прослыть каким-то доморощенным мистиком, но мне кажется, что в облаках над Москвой живет некое существо, которое палит, чем ты занимаешься, и всегда делает с тобой очень интересные вещи. Например, стоит тебе решить, что хочешь отсюда уехать, — и ты тут же, моментально получишь предложение, от которого не сможешь отказаться. И дальше ты предстаешь перед моральным выбором — либо ты верен себе и остаешься хозяином своей судьбы, либо соглашаешься помяться немного х...ней за небольшие деньги и большие обещания. Но на самом деле это все западня, пыль и тараканы. Это существо в облаках над Москвой постоянно посылает тебе испытания и загадки. И пока ты эти загадки не разгадаешь, ты всегда в этом городе будешь тратить больше, чем получаешь, и терять больше, чем находишь.

Интервью: Екатерина Дементьева

Авдей Тер-Оганьян, художник

когда приехал: 1988 год

откуда приехал: Ростов-на-Дону

чего добился: сделал акцию «Юный безбожник» и был вынужден уехать из страны

В Москву я переезжал постепенно. Дело в том, что я часто бывал тут в течение всех 80-х. Посещал выставки, ходил по всем главным магазинам, смотрел книжки по искусству. Правда, интересы мои не были тогда связаны с тем художественным андеграундом, который позднее меня закрутил. У меня были друзья совсем из другого круга — журналисты, поэты. И было забавно, к примеру, что все они знали про группу «Мухоморы» (московская арт-группа, созданная в конце 1970-х художником Константином Звездочетовым. — *Прим. ред.*), а я нет. Вообще, я тогда думал, что с искусством всюду плохо — и в Ростове, и в Москве. Но потом мне стали рассказывать про выставки на Грузинской (в подвале на Малой Грузинской, 28, в конце 70-х официально существовал выставочный зал художников-нонконформистов. — *Прим. ред.*), про фестиваль молодежи и студентов. И я понял — надо ехать.

Лето 1988-го я провел в Москве. Приехал с картинками и со своими друзьями. Нам всем тогда было примерно по 26 лет. Прибыв на Курский вокзал, мы совершенно не представляли, куда себя деть. Еще до приезда я увидел по телевизору передачу про то, что в Измайловском парке есть выставка-продажа, и мы поперлись туда. Ничего интересного, собственно, мы там не обнаружили: стояли какие-то люди вдоль аллеи со своими работами и продавались. Ну мы тоже встали. И в первый же день продали картинку за 100 рублей! Вдохновленные, мы еще недели две простояли в Измайлово, но у нас больше ничего не купили. И мы поняли, что занятие это совершенно бестолковое. Можно сказать, я тогда впервые столкнулся с

проблемой: масса художников производит коммерческое салонное искусство (я с таким явлением раньше не сталкивался, его просто не было в советское время), мастера какие-то абстракции левой ногой и быстренько их за недорого продают. Но я не мог отдавать свои картины за 100 рублей, понимаете? Я привез в Москву лучшие вещи, которые стоили гораздо дороже абстрактного натюрморта. Осознав это, мы с друзьями приуныли и, чтобы не сдохнуть от тоски, стали устраивать так называемые коммерческие перформансы. Какие-то уличные развлечения абсурдные, которые приносили нехитрую денежку на бутылку портвейна. Например, мы находили коробку из-под холодильника, разрисовывали ее, и это был у нас автомат-оракул. Кто-то из нас надевал на себя коробку и ходил по улицам. В прорезь бросали мелочь, а он, соответственно, предсказывал: «Возле гастронома «Смоленский» вы встретите девушку, которая вас полюбит, и она обязательно будет в голубом платье». Еще помню, как собирали деньги на установку памятника Федору Кандыбе. Был такой писатель — его книжку, название которой сейчас и не вспомню, я прочитал у друзей в туалете. Потом один наш приятель изобрел краску, которая прекрасно держалась на стекле. Он придумал добавлять в нее какую-то гадость, из-за чего она долго со стекла не сходила. Под это дело придумывал Общество по борьбе с Обществом трезвости. Тогда же был пик советской антиалкогольной кампании! Я наносил на обычные граненые стаканы соответствующие надписи и продавал их по рублю или что-то около того. Торговля пошла очень бойко. Денег хватало и на выпивку, и на еду, и даже на какие-то мелкие расходы. Так я провел свое первое московское лето. А через год перевез из Ростова уже все остальные вещи, в том числе краски, книги и осенние ботинки.

Я, конечно, совершенно был счастлив находиться в Москве. Тут же был огромный мир современного искусства! Представляете, я ведь вообще ничего не знал о Кабакове. Совсем ничего! И первые его работы увидел уже в Москве. А ведь мог так и не увидеть! Ничего подобного в Ростове, естественно, не было. Была какая-то странная интеллигентская компашка, влюбленная в Серебряный век, что было совсем неинтересно. Более того, большинство людей считали то, что я делаю, попросту говоря, х...ней. С другой стороны, в Ростове у меня были родители, была квартира и вообще все как-то было устроено. А в Москве — надо было работать. Хотя бы дворником. Я работал дворником в Ростове, но это совсем не то же, что работать дворником в Москве. У нас все-таки не столько снега... Однажды я помог приятелю мести какой-то московский двор, и это было ужасно. Но, собственно, у меня и не было такой необходимости — прямо-таки выживать. Мне и родители помогали вначале, да и картинами своими я активно занимался. Поступал так: тупо находил телефоны каких-то галеристов, звонил и говорил: «Вот я художник из Ростова, хочу показать вам свои работы». Да, именно так я познакомился, к примеру, с Леной Бажановой (руководитель ГЦСИ, в 1991 году на Большой Якиманке основал первый в Москве Центр современного искусства. — *Прим. ред.*). Я заявился к нему и спросил: «Вам нравятся мои картины?» Кстати, я считаю, что такая наивная наглость была правильным шагом. Я запросто подходил к разным художникам, мол, хочу с вами познакомиться, на ваши картины посмотреть, свои показать, послушать, что вы мне скажете. Как-то так я постепенно перезнакомился со всеми действующими художниками Москвы. И когда мы открыли «Трехпрудный» (галерея в Трехпрудном переулке, где в начале 90-х жили и одновременно выставлялись современные художники. — *Прим. ред.*), к нам сразу стала приходиться куча народу.

Дом в Трехпрудном нашел Женя Череп. Черепом, если честно, прозвал его я: он был из Череповца и занимался тогда группой «Гражданская оборона». Он первым самозахватил квартиру в выселенном доме. Тогда это была распространенная практика: видишь пустую квартиру, взламываешь дверь и начинаешь там жить. Через какое-то время появлялся человек из ЖЭКа и спрашивал: «А что вы здесь делаете?» На что ты ему спокойно рассказывал, как ты шел мимо и увидел взломанную дверь, что сам ты художник, приличный человек — и тебе просто негде жить. Обычно человек из ЖЭКа тебе верил и, договорившись о сходной квартплате, уходил. Так все случилось и в Трехпрудном. Очень быстро мы поняли, что места много и можно устраивать выставки прямо в квартирах. Мы решили, что вернисажи у нас будут каждый четверг. Ну, во-первых, потому, что каждую неделю праздник — это хорошо, а во-вторых, потому, что нас, художников, много. Жили в Трехпрудном тогда я, Дубосарский, Паша Аксенов, Гинтовт, Костя Реутов — всего человек пятнадцать. И почти все активно производили искусство. Продлилось счастье недолго — в 1993-м нас из Трехпрудного выгнали.

До своего отъезда в Чехию я много работал с Маратом Гельманом. Честно признаться, я никогда серьезно к нему не относился. Нет, я работал с ним, но только потому, что никто не хотел меня выставлять. А Марат всегда позволял делать все, что я хочу. И отказал он мне всего только один раз. Я хотел сделать у него «Юного безбожника» — ту же абсолютно выставку, которую в 1998-м я показал в Манеже (акция, во время которой Тер-Оганьян рубил топором репродукции икон и вследствие которой художник был обвинен в разжигании религиозной вражды и вынужден был сбежать в Чехию. — *Прим. ред.*). И Марат отказался, объяснив мне, что будут неприятности. Можно подумать, я и без него этого не понимал.

Интервью: Наталья Кострова

Рома Зверь, музыкант

когда приехал: 2001 год

откуда приехал: Таганрог

чего добился: сделал группу «Звери», сочинил песни «Районы-кварталы» и «Напитки покрепче»

Я учился в Таганроге в строительном колледже — собирался стать техником-технологом, проектировал для диплома загородный коттедж. Но, вообще-то, я учился так себе. В 1998 году в Подмосковье проходил слет студентов-строителей со всей России. От кафедры надо было послать кого-то активного, кто может песню спеть, стишок рассказать — а я как раз отвечал за общественные дела, КВН, дискотеки и подобные вещи. В этой поездке я Москвы почти не видел — разве что из окна автобуса по дороге в санаторий. Ну и еще мы заскочили на Красную площадь и в ТЦ «Охотный Ряд». Я ничего не мог себе позволить купить — просто ходил мимо витрин, глазел на манекены и людей. Нельзя сказать, что москвичи мне понравились, но я решил сюда переехать. У меня больше не было сил оставаться в Таганроге. Коттедж я так и не построил — дождался диплома и приехал в Москву скитаться.

В клипе на песню «Для тебя» Рома проявил себя в фирменной роли хулигана с большим сердцем

2001 год — это еще было время, когда Москва приезжих разными способами пугала. Еще работала система временной регистрации — ты должен был бояться ментов, тебя без регистрации не хотели брать на работу или предлагали какую-то совсем унижительную зарплату. Я ночевал у двоюродной сестры, шлялся по разным конторам, смешил всех своим дипломом. С меня обычно брали 300 рублей за оформление бумаг, а потом говорили, что вакансия уже закрыта. Через пару месяцев я понял, что без знакомых куда-то устроиться нереально, поэтому позвонил одной девушке, с которой мой таганрогский товарищ Витя учился в Литературном институте. А эта девушка накануне поймала частного, который оказался прорабом на стройке Галереи искусств Зураба Церетели на Пречистенке. В общем, цепочка совсем случайная — но именно таким способом мне наконец куда-то удалось устроиться.

Черновую работу в этом музее выполняли приезжие — в то время это были не таджики, а люди из Башкирии и Чувашии. Проживали они прямо на площадке, в подвалах и складских помещениях. Зарплата у меня была 250–300 долларов. Я клал плитку, реставрировал барельефы-горельефы, красил. Церетели часто приезжал. Я в то время не рефлексировал вообще на эту тему — Лужков, Церетели, триумф дурновкусия. У меня были другие интересы: как выжить? Что делать? Куда бечь?

Как это часто бывает у приезжих строителей, у меня не было ни друзей, ни денег, ни плеера, ни телефона. На телефоны я поглядывал с интересом: только-только «Нокии» с черно-белым дисплеем начали появляться, а по-настоящему шикарными считались аппараты с откидной панелью. В свободное время ходил гулять на пруды — Чистые, Патриаршие — и был очень разочарован, что прудов-то нет, это совсем крошечные одинокие акватории. Еще меня почему-то тянуло в Сокольники — возможно, это влияние фильма «Место встречи изменить нельзя». Меня тогда поражало равнодушие москвичей. Если у нас в Таганроге появлялся парень с длинными волосами, то он мог запросто получить пи...дюлей — даже в начале нулевых. А тут даже на предельно странных людей никто не обращал внимания. На меня самого тоже никто не смотрел — одевался я более-менее обычно и носил простое каре.

У меня в записной книжке был еще один судьбоносный номер — Валеры Полиенко, который когда-то давно уехал из Таганрога учиться во ВГИК. Я позвонил Валере и сказал, что переехал жить в Москву навсегда. Он сказал, что это здорово, и предложил встретиться через неделю. Для меня это было чем-то непонятным: почему через неделю? Неужели человек так занят? Но я дождался и через неделю сообщил Валере, что работаю на стройке, но, вообще-то, хотел бы петь. А Валера в тот момент вместе с Сашей Войтинским закончил работать над проектом «Тату» — Валера там писал тексты, а Саша пробовал сочинять музыку. В общем, мы решили делать совместный музыкальный проект.

Саша и Валера взяли денег в кредит под проценты. Большая часть пошла Валере за то, что он писал тексты, а на оставшиеся деньги Саша мне снял однокомнатную квартиру в Гольяново, где я сидел практически безвылазно. На питание мне полагалось 60–70 рублей в день. Проснувшись, я выходил из дома, покупал картошку, банку сайры и капусту. А также алкоголь и сигареты. Я предпочитал очаковский джин-тоник — двухлитровый или полуторалитровый. Потом появился сидр. Сидр мне не понравился, а вот джин-тоник я пил, хотя он был по-настоящему ужасен. У меня даже эмаль зубная испарялась из-за того, что он был такой кислотно-ядренный. Но вставлял хорошо. В общем, я пил, жарил капусту, ел консервы и очень хотел попасть в телевизор.

Наша студия находилась на Соколиной Горе, в подвале психоневрологического диспансера: мама Саши Войтинского там была заведующей, и нам по благу выделили две комнаты. Мне было вообще все равно — подвал не подвал, психи не психи. Я главным образом видел микрофон и микшерский пульт — и был счастлив.

Поводов для счастья, впрочем, было не слишком много: никому из нас не нравилось, что получается. У меня был жуткий акцент, петь толком я не умел. Все было как-то нелепо. Потом Саша предложил мне самому написать песню. Через некоторое время я принес не то «Южную ночь», не то «Для тебя». Валера ушел, и мы с Сашей остались вдвоем. Я целыми днями сидел в квартире и придумывал альбом. Иногда выбирался в центр, иногда уезжал к случайным знакомым в гости. В основном это были какие-то барышни, с которыми не стоит видеться по второму разу. Друзей в то время у меня не появилось.

Первый концерт в «Олимпийском» группа «Звери» сыграла в 2004 году — на закате эпохи, когда успех на телевидении означал прямую дорогу на стадионы

На самом деле, когда я приехал в Москву, я мечтал о том, чтобы сделать крепкую клубную группу с уровнем популярности, как у «Текиладжаз». Чтобы петь наравне с Лагутенко — о таком я даже подумать не мог. Мы сняли первый клип и отнесли его на MTV — на каналах тогда были приемные дни, можно было передать свою кассету в окошко. По воскресеньям собирался худсовет, и потом они могли позвонить и сказать: «Ваш ролик нам понравился, мы ставим его в сетку». MTV наш клип понравился.

Дебютировали мы не где-нибудь, а сразу на «Нашествии» — нас заметил Леша Козин с лейбла CD Land Records. Группу мы набрали по объявлению — писали в музыкальных форумах, что собираем коллектив. Первые концерты в Москве мы играли в маленьких клубах типа «Бункера». Сейчас этих мест уже не существует, а тогда там было очень зазорно. Я любил туда возвращаться. Классическую фразу «И тогда я понял, что ко мне пришел успех» я могу сказать, наверное, про «Лужники». На сцене висело три жалких фонаря: организаторы сочли, что не стоит тратиться на какую-то группу «Звери», зато в зале было огромное, просто невероятное количество людей. Среди этих людей был Юрий Шмилевич Айзеншпис, он стоял спиной к сцене и глядел в зал. Леша Козин рассказывал, что он его спросил: «Юрий Шмилевич, чего на сцену не смотрите, группа интересная, молодая». А тот ответил: «Чего мне на них смотреть — я и так вижу, полный зал, все хорошо».

Сейчас я живу довольно закрытой жизнью, друзей у меня немного, и появляются они нечасто. На самом деле я до сих пор не люблю с кем-то дружить — этого во мне Москва не изменила. Раньше я попросту всех боялся — может быть, поэтому мой вид раздражал и отпугивал окружающих. А сейчас мне это и самому не очень нужно.

Интервью: Екатерина Дементьева

Армен Джигарханян, актер

когда приехал: 1967 год

откуда приехал: Ереван

чего добился: самый снимающийся советский и российский актер — сыграл более 250 ролей

Когда я первый раз приехал студентом поступать в ГИТИС, меня не взяли. Сказали: «Акцент у вас». И я отправился обратно в Ереван. В Москве я живу уже 45 лет. И самое страшное, что про многое из того, что я сейчас рассказываю, я уже и не знаю до конца — было это или я это сам придумал. В следующий раз я

приехал на работу в Театр Ленинского комсомола. Это был поразительный театр. Им руководил Эфрос, который меня и позвал. Как именно выглядела Москва в то время, не помню уже. Помню, было мороженое знаменитое, напичканное орехами. Вот это помню. Все говорят — Москва изменилась до неузнаваемости. Но запах у Москвы остался тот же.

Я был тогда, как говорится, известный актер в узких кругах. И Эфрос сразу поставил меня репетировать «Жизнь господина де Мольера» Булгакова. Эфрос был суперсложный человек, и я непростой. Одно непростое наложились на другое непростое, и заварилась большая каша. Но он мне помогал. Почти сразу после приезда он спросил: «Что ты по вечерам будешь делать?» Я ответил: «Да ничего — читать». И он сказал: «Нет. Ты приходи в театр. Другие актеры должны к тебе привыкнуть. Зайди в буфет, чай попей. Через какое-то время они тебя с твоей трудной фамилией начнут узнавать. Сначала мне дали одну квартиру, потом переселили в другую. Дискомфорта бытового не было. И я работал себе в театре до тех пор, пока Эфроса с поста руководителя не убрали. И вот тогда я остался совсем никому не нужный. Потом уже меня нашел Гончаров (Андрей Гончаров, руководитель театра Маяковского с 1967 по 1987 год. — *Прим. ред.*), и я ушел в Театр Маяковского. А в промежутке... Ну что я делал? Чай пил, как Эфрос советовал.

Я сейчас, может быть, пошлость скажу, но самое трудное в жизни — это просто жить. И жить поначалу было, конечно, сложно. Дело здесь совсем не в деньгах. Ереван — это ведь совсем другой город. Национальный. Армянский. Там ели хорошо, закусывали хорошо. Например, армяне говорят: «Пойдем поотдыхаем», когда зовут тебя поесть. А не так, что «Давайте-давайте, быстро закусим. Все, идем-идем». Очень большая разница. А потом здесь было просто-напросто очень холодно. А я приехал в Москву даже без головного убора. Даже кепки не было. Мне сказали: «Давай мы тебе купим что-нибудь». Я ответил: «Нет-нет». Потом начались морозы. И как я мерз! Заработал себе гайморит. А еще было как-то мало очень любви вокруг. Я смотрел на эти пятиэтажки, которые здесь были понастроены везде, и думал: их, наверное, строили люди, которые не любят других людей. Но даже и это было не страшно. Я ведь не ради города приехал, я приехал, чтобы работать в театре. Конечно, я по дому скучал. Но думаю, я понял, что мне просто придется чаще есть пельмени, чем армянский лаваш. Это моя новая жизнь и новые предлагаемые обстоятельства.

Моя карьера в Театре Маяковского началась со спектакля «Разгром». Его по приглашению Гончарова ставил Марк Захаров. На первой же репетиции я с ним познакомился и полюбил его уже на всю жизнь. Мы хорошо понимали друг друга, хоть и были в жизни совсем разными людьми. Например, в этом спектакле я сделал своего героя близоруким. Этого не было в романе, этого вообще нигде не было. Но почему-то на первой же репетиции я начал читать книгу, поднося ее близко к глазам. И Марк мне из зала крикнул: «Армен, вот это очень хорошо». Хотя были случаи, когда мы с ним расходились во мнениях. Он вдруг говорил: «Нет-нет, вот здесь не вставай!» Я ему отвечал: «Но логично же!» И Марк возражал: «Логично — это плохо. Все ждут, что он встанет, а ты сиди». Меня цензура в театре напрямую никогда не касалась. Но «Разгром» мы сдавали месяца три. Это очень страшно: пустой зал и вдалеке две фигуры. И всё ходят и ходят, потому что кто-то сказал, что этого бы не надо. Боялись признаться вслух, что все проблемы оттого, что главный герой романа — еврей. Оттого что мы сдавали спектакль столько дней подряд, у меня сорвался голос — прямо накануне премьеры. Слава богу, нашел людей, которые быстро восстановили мне голос. Потом я в Маяковского играл гастрольный репертуар. И это можно описать очень просто: Джигарханян — счастливчик. Мы прожили целых 26 лет при очень хорошем режиссере. И я сыграл там, наверное, все свои самые лучшие роли. Это не просто фигура речи: у нас с Захаровым что-то совпало.

В кино все было по-другому. Свою первую роль я получил еще в Ереване в фильме «Здравствуй, это я». У этой картины был международный успех. Так что, когда я приехал в Москву, в этой среде меня уже знали. Проблема была только в том, что мне все время пытались поменять внешность. А я смотрел на себя в зеркало и думал: «Хорошее лицо, зачем они его портят?» А эти творцы (не дай бог попасть к ним в руки) все говорили: «Ой, а давайте мы вам сейчас сбреем так вот волосы на висках, что у вас будет лоб, как у

Маркса». Я просил всегда: «Не надо. Природа меня сделала таким». С «Местом встречи изменить нельзя» тоже была история. Я очень люблю Говорухина. Но до сих пор простить ему не могу, что он чеплашку мне на голову надел — парик. «Зачем ты это делаешь? — я его спросил. — Чтобы все испугались? И обосрались от страха?» Ведь гораздо важнее, что Горбатый — это умный и обаятельный злодей. Но он меня не услышал.

Про большую славу можно сказать только одно — не дай бог. Это всегда мешает. Я в жизни был свидетелем одной поучительной сцены. Был такой великий грузинский актер Серго Закариадзе. Он в Тбилисском театре играл Эдипа. И у него в этом спектакле была потрясающая мизансцена. Выколов себе глаза, он выходил из каморки, врезался в солдата и катился вниз по лестнице под невероятные аплодисменты зала. Мы в очередной раз приехали на гастроли в Тбилиси, пришли на «Эдипа», и обнаружили, что он свою звездную мизансцену выкинул. Мы спросили — это потому, что больно было падать? А он ответил: «Нет, это потому, что я играю проблему: человек так плохо себя повел, что выколов себе глаза. А здесь аплодируют актерскому трюку». На меня это в молодости повлияло. Хотя и было трудно. Я, как и все, люблю соблазн — когда аплодируют, кричат.

Есть у меня в жизни вещи, которыми я горжусь по-настоящему. И они не связаны с театром. 20 лет назад у меня появился сиамский кот по имени Фил. Потом так сложилась жизнь, что Фил оказался в Америке. Я здесь играю, он там живет. И вот мне говорят, что Филу плохо, ему уже 22 года и он скоро уйдет из жизни. Я сел в самолет и пролетел 16 часов, чтобы попрощаться со своим котом. И пусть все говорят, что я чокнутый, но я до сих пор считаю, что это один из моих благороднейших поступков в жизни.

Я до сих пор не думаю про себя как про «большого артиста». Хотя был случай, когда я впервые понял, что это такое — когда государство тебя любит. Горбачев ехал в Италию, и меня позвали сопровождать его в составе делегации. Как со мной обращались! Из дома привезли в аэропорт, чемодан донесли. Когда я спросил: «Можно я отойду?», мне ответили: «Ради бога, хоть на день». — «Так нам же лететь?!» — «Ничего, подождем». К такому обращению я не привык. А вообще, я не хочу говорить про народную любовь. Когда я всерьез об этом задумаюсь, меня нужно будет сдавать в дурдом. Если я вдруг почувствую себя гордостью армянского народа — все, значит, нужно лечить. Или русского, или еврейского. Какого угодно.

Интервью: Елена Ванина

Арсений Жиляев, художник

когда приехал: 2006 год

откуда приехал: Воронеж

чего добился: стал самым активно выставляющимся молодым художником

Из Воронежа чаще переезжают в Санкт-Петербург. У меня была эта развилка — выбор между Санкт-Петербургом и Москвой, между психоанализом и успешной карьерой (я учился в Воронеже на факультете философии и психологии, занимался детским психоанализом) и непонятными, туманными творческими перспективами. Но Петербург всегда вызывал у меня скорее негативные чувства. За редкими исключениями — вроде группы «Что делать?» — я до сих пор не могу понять питерское искусство. Новая академия, декаданс, последователи Тимура Новикова, правые темы — все это для меня чуждо. Московский хаос и бесчеловечность мне парадоксальным образом ближе.

None

Первый раз я приехал в Москву на пятом курсе, во время дипломной практики, на один день, чтобы

поступить в Институт проблем современного искусства. Был январь, стояли лютые морозы, я, как советский геолог, вышел из автобуса в пуховике и меховой шапке. Москва рисовалась в моем воображении одной большой ВДНХ — вероятно, потому что единственным родом искусства, доступным через интернет в Воронеже, был московский концептуализм. Я весь день просидел в Ленинке — атмосфера библиотеки всегда придавала мне уверенности. Само собеседование в ИПСИ проходило на «Арт-стрелке», где тогда были галереи. Пришел Бакштейн. Мое портфолио состояло из герметичных исследовательских проектов, близких по духу к группе «Коллективные действия», — видимо, это и сыграло свою роль. В конце разговора Бакштейн мне подмигнул и я понял, что меня, скорее всего, возьмут.

Я никак специально не готовился к переезду, просто, без всякого драматизма купил билет на поезд. У меня не было никаких особых планов, но были деньги на аренду жилья на месяц и пара телефонов. Все было фатально и, странным образом, правильно. Я пришел к подруге моих родителей, которая работала преподавателем, чтобы посидеть в интернете и поискать жилье, — и случайно познакомился с ее студентом, Женей Антуфьевым. И в тот же день мы стали соседями по коммунальной квартире на последнем этаже в «доме капитанов» на Речном вокзале. Женя тогда только начинал делать своих кукол, а я — чертить линии. Денег хватало в основном на печенье и молоко.

Особую роль в тот период сыграл для меня Пригов. Моя первая студенческая выставка была в рамках «Арт-Москвы», и на фоне ее глянцевого нефтедолларовой обнаженки я показывал скучный и некрасивый исследовательский проект. Это была лаборатория выдуманного института: старые, обшарпанные советские столы, заваленные бумагами — и несколько ноутбуков с видео. В общем, я чувствовал себя как полное говно, думал, что это провал. И единственным человеком, который подошел и сказал, что все круто, был Пригов. Я был счастлив.

Вообще, это было романтическое время. День — голод, день — пир. Одной из первых и немногочисленных моих работ в Москве была должность ассистента оператора на одном из телеканалов. Мы снимали разные правительственные заседания. Меня буквально сразу отправили на съемку Путина в Кремль. Все очень просто прошло, несмотря на отсутствие регистрации, которой, кстати, у меня до сих пор нет. Съемочные группы, как правило, ели ту же еду, что и всякие послы и министры. Какое-то время так и продолжалось: с утра я ел «Роллтон», а потом деликатесы в Кремле и на приемах. Устроиться по своей психологической специальности у меня не получилось — помню, как мне отказал в трудоустройстве детский сад уже после подписания контракта: Лужков запретил работать в детских учреждениях людям без московской прописки. Мне ничего не оставалось, кроме как стать богемным художником.

Однажды, прогуливаясь по Чистым прудам, мы случайно забрели в заброшенное здание в Хохловском переулке, где мой приятель Хаим Сокол снимал мастерскую. Ворота были открыты, вход никто не охранял, мы ходили по этим чудесным пустым типографским цехам — и подумали, что обязательно надо попытаться снять это место для мастерских. Так из маленькой комнаты в коммуналке я переехал в тысячу метров с видом на Кремль. Это был очень важный момент. Фактически мы жили в маленькой социалистической коммуне — практически без денег, с общей едой, а часто и одеждой. В сквоте жили и бывали многие люди, которые стали значимыми художниками нулевых: Хаим Сокол, Андрей Кузькин, Илья Трушевский, Алина Гуткина, Тимофей Караффа-Корбут, Саша Повзнер, Коля Олейников. Это было замечательное время! Но долго жить в таком режиме тяжело — и физически, и психически. Нет интимного пространства, постоянно люди вокруг — устаешь от этого. Сложно продуктивно работать. И потом — жить без денег иногда хорошо, а иногда не очень. Нужно было платить хоть небольшую, но все же ощутимую арендную плату. Приходилось сдавать пространства для вечеринок, а это травматично, когда куча народу неизвестного. Примерно через год сквот мы потеряли. Сработала стандартная схема джентрификации. Типографию нельзя было нести под торговый центр — она являлась памятником архитектуры, — в итоге там сделали офисы. А я снял квартиру на проспекте Мира и начал вести мещанскую жизнь.

Мне кажется, что большую часть своих карьерных шансов я не использовал. К счастью. Бывает, человек

что-нибудь сделает, его возьмут в галерею, на крупный европейский форум искусства, и если он не готов к этому морально и социально, то потом долгое время тяжесть этого события его подавляет. Куча народу пострадала от прессинга легкого первого успеха. Моя история про то, что никакого успеха нет, что цель «покорить Москву» на самом деле не цель. Все это фанерные образы, которые дают объяснительные конструкции массовому сознанию. Но они ложные. Со стороны для зрителей траектория движения кажется линейной и восходящей, а на самом деле это лишь проекция более сложного процесса. Настоящий успех в искусстве или в политике для меня сродни научной истине, которую открывает ученый: ему ведь безразлично, что о ней думают другие. Дважды два равно четыре, а на земле рано или поздно наступит коммунизм.

Интервью: Оксана Баулина

Светлана Устинова, актриса

когда приехала: 1999 год

откуда приехала: Северодвинск

чего добились: сыграла главную роль во втором «Бумере»

В городе Северодвинске я училась в гимназии, и после окончания все мои одноклассники собирались валить — либо в Питер, либо в Москву. Это была понятная всем цель. Да и родители у меня такие — хотели, чтобы учиться я поехала в другой город. Вообще, я собиралась в Екатеринбург. Папа у меня оттуда, там много родственников и есть поддержка. Но на самолетах тогда было дорого летать, а на поезде трое суток, и мама сказала: «Нет, Москва посередине — давайте в Москву». Я поехала и поступила в экономико-статистический университет. Мне сняли квартиру в Крылатском. Хорошо помню, как вышла из метро и мне показалось все таким широким, огромным, как будто я в горах. Мне очень понравилось это ощущение открытого пространства. Совершенно не чувствовала себя чужой. Быстро освоилась, появились подружки, и с одной из них мы пошли в клуб «Титаник». Всегда любила танцевать: просто забываюсь в танце. В общем, я там так отжигала, что ко мне подошел парень, из тех, что выступали на сцене, и пригласил в их танцевальную группу «Дункан». Я, конечно, согласилась, стала ходить на занятия. Клуб, правда, вскоре закрылся. Другая подружка рассказала, что ее сосед — Миша Ганапольский, учится на 3-м курсе во ВГИКе, и ему для курсовой работы нужна Лолита. «Побудешь Лолитой?» И вот мы пришли во ВГИК в один из павильонов. Снимали сцену, когда Лолита впервые оказывается в комнате Гумберта.

На нас долго выставляли свет, а я все думала, вот сейчас кто-нибудь подойдет и скажет: «Девушка, да вам в актрисы надо!» Но нет. Как-то в метро подошел парень и спрашивает: «Хочешь сняться в клипе? Приезжай завтра на «Водный стадион» к 10 утра». Я и приехала, меня нарядили ангелом и попросили походить по прозрачному полу. Так я снялась в клипе «Легального бизнеса», потом еще у Децла. В модельном агентстве тоже числилась, но ужасно не любила кастинги: там все такие рослые, нарядные, томные, я совсем терялась на их фоне. Со временем у меня сложилось ощущение, что в Москве удача, ну или по крайней мере шанс, ждет тебя за каждым углом. Тем не менее планы оставались прежними — я перевелась в Финансовую академию и собиралась устроиться куда-нибудь в банк, хотя бухгалтерский учет уже видела в страшных снах. За четыре года в Москве обросла кругом прекрасных друзей. Видя мои мучения, они сказали: «Поехали с нами в Лондон, может, поступишь на маркетинг или пиар». Сделала визу, купила билеты. Планам помешал очередной случай. Ехала с подружкой домой, позвонил молодой человек, который ей нравился, и позвал в кафе. Уже поздно было, она говорит: «Поехали со мной». Ну не бросишь же товарища в беде... Чувство локтя подарило мне шанс — вот формула моего успеха! В кафе сидела большая компания, и в какой-то момент зашел парень на костылях. Мне шепнули, что это режиссер Буслов, который «Бумер» снял. Начали обсуждать фильм «Троя», и я сильно развыступалась.

После громкого дебюта Устинова сыграла около двадцати ролей — в основном в сериалах

1/2

Фотография: Гоша Рубчинский

Петр Викторович достал фонарик, ни слова не говоря, посветил на меня. Я такая: «Ты чего?» «Ничего», — и укорялся. Через пару дней позвонили и позвали на пробы. А у меня билет в Лондон. Но я же товарищ интересующийся, схожу, думаю. Мурыжили они меня два месяца, билеты сдала. Я к кино относилась без придыхания, но тут было дело принципа — победить. В какой-то момент Буслов сказал, что продюсеры боятся. Без образования, звать никак, а им хочется кого-то узнаваемого, хотя бы профессионального. Я, конечно, расстроилась. Потом, несколько лет спустя, продюсер Сергей Сельянов рассказывал, что решил в какой-то момент пересмотреть пробы. Нужно было рассказать про свою мечту. Я что-то начала, не помню, городить — не по-честному. А девочка, которая проводила пробы, говорит: «Так, Света, расслабься, расскажи все как есть». Раскрываться-то тяжело, особенно на камеру, но я решила, да ладно... Ну и рассказала, какой я хочу дом, какую я хочу семью, какой мужчина должен быть рядом. Сельянов посмотрел, и, видимо, чуйка подсказала ему, что нужно брать вот это малограмотное в актерской профессии существо. А я-то уже обратно в Финансовую академию собираюсь или в Лондон, но все — меня утвердили.

Первая профессиональная работа актрисы Светланы Устиновой — съемка в клипе на песню «Мелодия моей души» хип-хоп-коллектива «Легальный бизнес» (2000)

Но это оказалось только начало. На съемках было очень тяжело. Было непонятно, почему я тут одна, а все эти люди с другой стороны, смотрят и как будто ждут чего-то. Постоянные нервные срывы, хотя я к ним не склонна. Петя — бесконечно талантливый режиссер и крутейший человек. Я его называю папа Карло: по сути, это он создал актрису Светлану Устинову.

После полугодия проект закрыли на доработку сценария. И вот в крайний съемочный день я вдруг поняла: все так выкладываются, что я просто не могу подводить этих людей. Надо, чтобы все поверили, что Петя во мне не ошибся. Снимали сцену, где я отдаю Вдовиченкову ключи от машины. И я вдруг поняла, как нужно мыслить героиней. Мне тысячу раз объясняли, но говорить можно что угодно: информация как грим ложится, вглубь не проникает. А тут я что-то почувствовала, подошла к Вдовиченкову и долго смотрела ему в глаза. И у меня включилась эта ерунда, я стала той девочкой. Сцена стала поворотной в моей актерской карьере.

Это было в ноябре. А вернулись мы к съемкам только в мае. И это тоже был непростой период. Сначала поехали бандой в Гоа, а вернулись в январе. И если раньше жизнь была очень насыщенной, то тут я оказалась одна — холодно, делать нечего. Хорошо, Петя сделал мне огромную подборку фильмов, где героини — девчонки примерно такого возраста. И вот я всю зиму их смотрела. Наверное, тогда поняла, что хочу стать актрисой. Когда съемки закончились, пошла во ВГИК. Сначала меня взяли как вольнослушательницу, потому что на экзамены я опоздала. Дали полгода, чтобы доказать, что я чего-то стою. Никому не сказала, что я уже где-то снималась. Все уже были знакомы, преподаватели говорили: вы не обращайте внимания, тут девочка к нам немножко походит. На первом занятии по танцу нас выстроили и стали считать: «Раз, два, три». Я говорю: «Три — это я!» «Нет, ты — пустое место». Это меня, конечно, только раззадорило. В конце первого полугодия мы сделали отрывок из «Моего бедного Марата», и весь институт ходил смотреть. В общем, зачислили меня, началась вторая, настоящая студенческая жизнь. Когда вышел «Бумер. Фильм второй», люди вокруг разложились — как пасьянс. Некоторые возмущались: «Да кто ты такая! Ноль без палочки!» Даже близкие, к которым раньше можно было прийти ночью и поплакаться в жилетку, теперь встречали ухмылочкой: ага, рассказывай, знаем мы про твои страдания, до свидания. Это был серьезный удар. Я испугалась всего этого ажиотажа, уехала к подруге в Грузию и к телефону не подходила. Мне же никто не объяснил, что весна-лето — самый пик кастингов. Я жила с уверенностью, что не сегодня завтра нарисуеться гениальный режиссер и предложит мне очередную великую роль. Думала, буду играть только в полном метре. Но жизнь распорядилась иначе.

Устинова говорит, что быстро подружилась с русскими рэперами: уже после «Мелодии моей души» она мелькнула в клипе «Вечеринка у Децла»

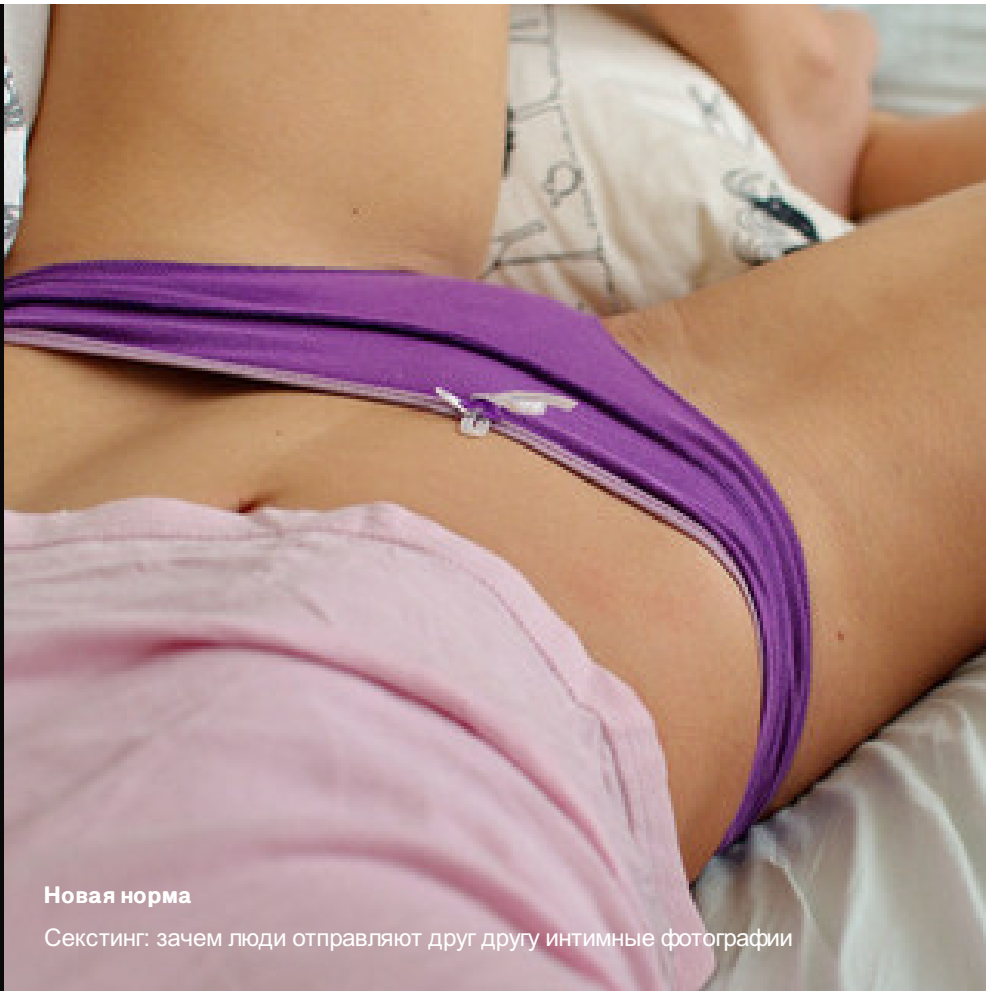
Какое-то время я была заложницей амплуа девочки-подростка. Потом пошли роли «я страдала-страданула». Теперь начался новый этап, когда меня воспринимают не как девочку из «Бумера», а как актрису со своими возможностями и диапазоном. На Москве свет клином, конечно, не сошелся. Вот завтра еду в Гамбург и буду впервые играть в иностранном проекте.

Интервью: Дмитрий Симановский

Интервью: **Екатерина Дементьева**
Оксана
Баулина,
Елена
Ищенко,
Дмитрий
Симановский,

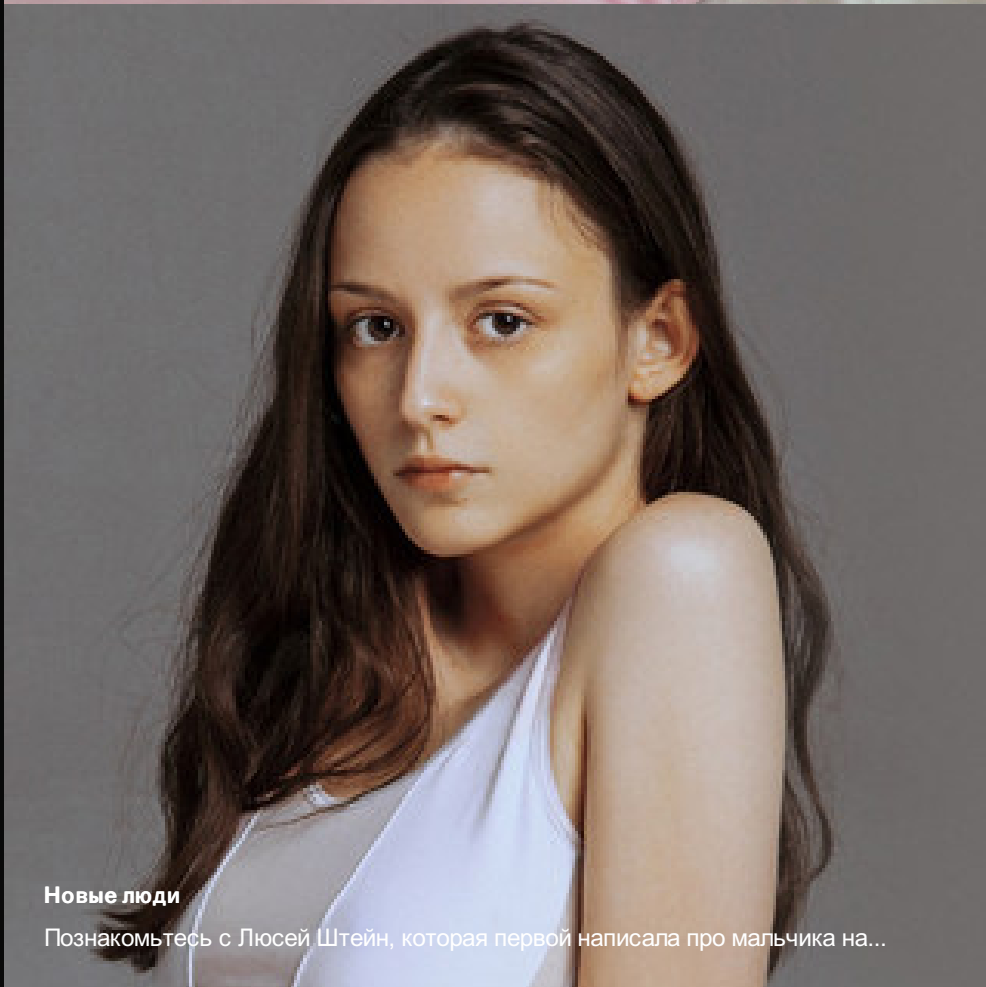
 Нравится 13

НЕ ПРОПУСТИТЕ

Новая норма

Секстинг: зачем люди отправляют друг другу интимные фотографии

Новые люди

Познакомьтесь с Люсей Штейн, которая первой написала про мальчика на...

Подпишитесь на Daily

Каждую неделю мы высылаем «Пророка по выходным»: главные кинопремьеры, выставки и концерты. Коротко, весело и по делу.

Я согласен(-на) с условиями [пользовательского соглашения](#)

[АФИША DAILY](#) [ТЕГИ](#) [АВТОРЫ](#) [РУБРИКИ](#) [АРХИВ](#) [РЕКЛАМОДАТЕЛЯМ](#) [РЕДАКЦИЯ](#) [ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ](#) [ПЕРЕЙТИ В МОБИЛЬНУЮ ВЕРСИЮ](#)

[ПРОЕКТЫ «АФИШИ»](#) [AFISHA.RU](#) [ПИКНИК «АФИШИ»](#) [ПРИЛОЖЕНИЕ «АФИШИ»](#) [ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ»](#) [АФИША-РЕСТОРАНЫ](#) [АФИША-СЕРИАЛЫ](#) [EDA.RU](#)

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-54146 от 17.05.2013г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

© 1999– ООО «Компания Афиша» Все права защищены Для лиц старше 18 лет

НАШЛИ ОПЕЧАТКУ? ВЫДЕЛИТЕ НУЖНЫЙ ФРАГМЕНТ ТЕКСТА И НАЖМИТЕ CTRL + ENTER

Design by Charmer

Lettering by Contrast Foundry